

Віталій Муzyченко

Роль в ЖИЗНІ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Музыченко

Роль в жизни

<https://litres.ru/73823096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это литературная основа нового полнометражного фильма, продолжающего тему киноальманаха «В винном отражении», но с совершенно новыми героями и действием в современной России. Вино здесь — лишь фон для человеческих драм: измен, побегов, попыток склеить разбитую жизнь. И всё это с изрядной долей иронии и мягкого абсурда, который то и дело выплывает из самых неожиданных ситуаций. Роман бежит из Москвы в Крым сажать виноградник. Юля учится жить без него. Ева получает не то, на что рассчитывала. Пока написана только половина истории, и как именно повернутся события дальше — не знает даже сам автор. На Литрес главы публикуются в формате живого черновика, чтобы читатель мог первым увидеть, как рождается это кинополотно на бумаге.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Глава 3	56
Глава 4	65
Глава 5	79
Глава 6	88
Глава 7	104
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Виталий Музыкаченко

Роль в жизни

Глава 1

РОЛЬ В ЖИЗНИ

Виталий Музыкаченко

«Удивительно, но многие герои, сотворённые мозгом, в истории человечества столь же нереальны, как и сотворённые Богом»

Предисловие. Дом на берегу.

Шар солнца, ещё минуту назад жёлтый, покраснел при первом касании воды. Казалось эта круглая губка, смотреть на которую без прищуря, даже сейчас, во время заката было сложно, казалось, она всасывала краску из воды, жонглируя цветами словно это и не звезда, а заправский китайский художник, копирующий точными яркими мазками очередного импрессиониста, художник, который зарабатывал ежедневным трудом, не желая знать истории заказчиков и судьбу копий. Солнцу не было никакого дела до слез и мыслей людей, смотрящих в его сторону. Не было интереса к лицам,

освещённых им этой жизнерадостной тёплой смесью розово-оранжевого цвета. Светило делало свой ежедневный круг на небосклоне, не переживая за мир, который оно освещало.

С обеих сторон от яркой полосы, отбрасываемой заходящим солнцем, морская вода была обыкновенно-синего цвета. Сегодня ни облачка! Но в непогоду, вода в этом необъятном глазу вместилище темнела, приобретая чёрный оттенок. Море так и называлось – Чёрное море. Не так далеко от его берега стоял недостроенный дом. Место вокруг него было сухим летом и достаточно холодным зимой. Достаточно, чтобы вся та экзотическая зелень: кипарисы, пальмы, олеандры, магнолии не чувствовали себя здесь комфортно. Земля, каменистая, почти без плодородного слоя, местами покрытая солончаками не давала выжить зелени, как ни старались переселенцы во все времена облагородить её. Но, противореча природе, горизонт до самой воды застилал ковёр с ровными зелёными полосами. Только одному растению удалось укорениться в этой неподходящей для полноценной курортной жизни полосе берега. Виноградной лозе.

Женщина сделала вид что поправляет прическу. Старый приём, чтобы смахнуть предательскую слезу.

– Пойдём, они ждут, – сказала она своему двенадцатилетнему сыну, – А то я сейчас не дай бог, расплачусь.

– Ты же плакала...

– Нет.

– Плакала. Он тоже, только просил не говорить.

– Правда? Плакал? Когда?

– Сегодня. Но ведь... Ничего уже, да...?

– Да, ничего не... Не изменишь.

– Понятно. Это как... роли, которые вы...

– Пойдём, пойдём, – перебила сына его мать, – они ждут, наверное. Роли. Роль. Ну ты скажешь.

Солнце почти исчезло. Ветер усилился, заставляя подол белой скатерти хлопать и запрокидываться на стол. Несколько близких людей впервые за несколько лет собрались вместе у стола. Они знали друг друга, или хотя бы знали о существовании друг друга. Но вот так – вместе, за одним столом... Никто из них не был на сто процентов счастлив, почти все жалели о своих поступках, собравших их в конце концов вместе. Недостроенный дом. Недостроенная веранда в виде ротонды и этот закат... Но все, почему-то все, собравшиеся были наполнены жизнью, как никогда прежде.

Нам нужно переместиться на несколько лет назад. Туда, где всё началось – в Москву. Проведя несколько лет с нашими героями, мы вернемся в этот вечер на берегу Чёрного моря и закончим историю. Счастливы? Возможно. Я пока не знаю. Как ни странно, это зависит от того, как всё сложится в прошлом.

Подхватывая пыль и мусор по бетонному полу растекалась красная лужа. Описать некоторые химические и физические свойства этой жидкости было несложно. Закон полагал выносить их на этикетку. 630 килокалорий, 13,5 процентов алкоголя и объем равный 750 кубическим сантиметрам. Помимо вина, теперь уже можно догадаться, что это было – вино, жидкость содержала 50 миллиграммов диоксида серы. На этикетке не было ничего написано о вкусе и аромате, а как раз они и выделяли это вино из десятка тысяч посредственных образцов. Но понять и оценить аромат, поднявшийся над нагретым июньской жарой полом было некому, хотя не так далеко от разбившейся бутылки находились два человека.

Первого звали вполне обычно – Саша и он не интересовался алкоголем. К своим семнадцати годам он был востребованным айтишником, зарабатывающим манипуляциями в бухгалтерских и складских программах. Всю ночь барабанные перепонки подростка были плотно закрыты от внешнего мира огромными овалами динамиков «Marshall» из которых бил ритм, пугающий людей успевших обзавестись привычками и ипотекой. Саша не слышал звук первой разбившейся бутылки. Как и второй. Как и третьей. К этому моменту, всего за 10 часов работы он успел вычистить базу и свести баланс винного склада в положительную сторону, честно заработав свои сто тысяч рублей, не совсем честными с точки зрения закона действиями. Саша хлопнул крышкой своего

ноутбука. Ноги распрямились и хрустнули в коленках, напоминая о бессонной ночи в сидячем положении. Только сейчас, выйдя в проход между поднимающимися к самому потолку двенадцатиметровыми стеллажами, он заметил красные лужи, усыпанные стеклом. Молодой человек присвистнул и оглядываясь сдвинул наушник с левого уха. Буквально в шаге от него, с грохотом и брызгами, с осколками разлетевшимися по всему проходу, «взорвалась» очередная бутылка. Никто не пострадал... Краем зрения Саша успел заметить траекторию этого снаряда. Бутылка упала, а точнее прилетела сверху. Он поднял голову в надежде найти разгадку этой тайны, ведь он был на складе совершенно один. Вчера, поздно вечером его заперли здесь, опечатав склад, и сдал его под сигнализацию. Но ни погрузчика, ни лестницы, ни кошки наверху не было, а датчик над складской дверью мигал положенным красным цветом.

— Говно! Говно эта ваша Риоха!

Второго человека, окружающие его люди, называли Вениамином Валерьяновичем. Иногда, Валерьяном Вениаминовичем. Он и сам путался в своих инициалах, особенно когда был пьян. Примерно с полчаса он уже бодрствовал, но контраст бытия не спешил заполнять его голову. Не сразу, мысль за мыслью, сознание нащупало тело... и уже вместе они решили, что «Валерьяныч» нуждается в опохмелении.

— Вениамин, чего ты хочешь больше всего на свете? — громко, вслух спросил сам себя пожилой человек, и продол-

жил диалог, отвечая на собственный вопрос. — Ты знаешь!

Складывалось впечатление, что кто-то третий участвовал в беседе. Чьи фразы звучали только в голове этого человека.

– Пить! Я хочу пить. Только... Не-а... Только н... не к-к-к. Ни... Ни конья... Чего полегче! – то ли с икотой, то ли заикаясь пробормотал Валерьяныч и вдруг четко и громко добавил, — Пузырей!

Чуть помутневшие от старости, серо-голубые зрачки бездвижно упёрлись в точку на потолке, будто не хотели выдать руку, которая уже ловко и непринуждённо шарила по коробкам. Наверное, стоит увидеть картину целиком, чтобы сориентировать читателя в пространстве.

Это было большое, построенное в 70-х складское здание. Выкрашенные в серый цвет кирпичные стены. Узкие ленточные окна под крышей без чердака, назначение которых никто не знал, кроме архитектора. Они нисколько не добавляли освещённости, зато в зимние месяцы являлись главным источником холода. Здание проматывало электричество и отопление, нанося большие, чем расчетные убытки во всех формах собственности, всем владельцам, когда-либо ставившим склад на баланс. Почти двадцать лет, пока не закрылась кукольная фабрика, частью которой это здание являлось, стеллажи были наполнены «Машами», резиновыми утятками, и другими радостями советских ребятишек. Затем кукол вытеснили товары «народного потребления». После смены строя народ России потреблял спирт, шампуни и стиральные

порошки, турецкие джемпера, колпаки для автомобильных дисков с логотипами «BMW» и ещё много чего, чего страна не производила. Соседний корпус фабрики постепенно обрастал офисами, а вот от полусотни субарендаторов склада к двухтысячным в нём остались только два. Компания «Роялити», начинавшая с продажи спирта, и сеть секс-шопов, менявшая свои названия и юрлица чаще чем перекрашивали стены склада. И если бы не презервативы, то гремучая смесь спирта и силикона непременно привела к улучшению демографии в стране.

Стеллажи не трогали с открытия фабрики. И хотя, игрушки не требовали чрезмерной прочности конструкций при складировании, металла в СССР не жалели. 12-метровые исполины десятилетие за десятилетием справлялись с любым грузом на их полках. Время шло. Общество менялось, богаче или «держалось». Возможно, улучшилась среднестатистическая мужская потенция, но, как бы то ни было, спрос на «игрушки для взрослых» упал и к 2003 году все полки заполнились набиравшим моду импортным вином. Компания «Роялити» переименовалась в «Виналити» и несмотря на экономические кризисы, скачки валютного курса, повышения акцизов оставалась в руках одного человека, когда-то почти тридцать лет назад привезшего в страну первую фуру со спиртом «Royal».

Вчера всё окончательно изменилось. Нет, компанию не проиграли в карты, не забрали за долги, не передали по на-

следству. Новые владельцы территории «Фабрики Игрушки» не стали продлевать аренду части склада, и в конце концов вынудили владельца «Виналити» продать им его собственную часть, когда-то полученную почти бесплатно путём взяток и манипуляций. Но это не было похоже на громкие рейдерские захваты. Бизнес явно хворал, и уставший от него Тимур Соломонович с облегчением перевел все вырученные средства в Арабские Эмираты, отбыв по одному из адресов своих паспортов.

«Что это было? Эти тридцать лет. Каков их итог? Полёты в бизнес-классе? Все эти селебрити в записной книжке? «Еженовогодние» корпоративы с пьяной бухгалтерией и складскими работниками и с пожеланиями команде процветания и «новых горизонтов». Вечная гонка с бюджетом. «Что это было? Для чего?» – мог бы думать Тимур Соломонович. Но он думал не так. Его мозг никогда не опускался до самобичевания. В нём не было для этого свободного места. С самого детства он решал только задачи с плюсом в остатке. Вот и сейчас... Головоломка более сложная, чем рефлексия, заставляла электрические импульсы снова и снова накатывать пути по отросткам нервных клеток. Пентхаус в Дубае или Израиль? Недвижимость или фонд? И ему совсем не нравилась эта девица из Польши, с которой крутился в швейцарском университете Давид – его единственный сын. Хотя, конечно, нравилась, но сыну она была не пара!

В отличие от бывшего владельца, управленцы компании

узнали о сделке только неделю назад. Теперь каждый был сам за себя!

Именно поэтому Саша пытался сгладить недостачу по просьбе генерального директора, а сокращённый грузчик – Вениамин Валерьянович лежал на верхней полке стеллажа, практически под крышей и не имея сил встать, и даже повернуть разрывающуюся от боли голову, лихорадочно рыскал рукой по картонным коробкам на которых покоилось его огромное, не успевшее съёжиться от старости и пьянства шестидесятипятилетнее богатырское тело.

Попадалось только красное вино. Грузчик подносил его к лицу, читал название и понося руганью и презирая не подошедший винный регион бросал бутылку вниз, ни больше ни меньше считая, что казнит её. Каждый раз это действие сопровождалось громким требованием шампанского. Так, не переворачиваясь, не меняя ориентации тела в пространстве, подтягивая корпус ногами Валерьяныч продвигался вперёд, в поисках «пузырей». А внизу в проходе оставался влажный след его изысканий из вина и осколков бутылок, на который и наткнулся Саша.

Через час вино рекой лилось по проходу, счёт разбившимся бутылкам давно сбился, а Вениамин Валерьянович требовал владельца и грозил сброситься вниз, если его попытаются снять.

– Владельца! Вашу мать! Посмотри... Поглядит, как людей ни за что выгоняют. Где мой парашют? А? Был бы пара-

шют я бы и прыгнул.

– Валерьяныч! Кончай. Люди ждут. Власти! – крикнул ему в ответ старший кладовщик.

– Прыгну, не доводите! Если кто полезет спасать, сразу прыгну. Мне терять нечего, Гена, ты знаешь... Нечего!

– Вениамин Валерьяныч, – искажая русский язык, вмешался сержант полиции, прибывший по вызову, прокричав вверх к потолку.

– Валерьянович. Сейчас будет ругаться, – вмешался кладовщик, – Это для своих Валерьяныч.

Действительно, тут же последовала реакция пьяного грузчика с 12-метровой высоты:

– Валерьянович! У Вас товарищ, что по русскому языку было? Представитель власти! – прокричал вниз возмущённый грузчик. Но головная боль заставила продолжить его намного тише, не надеясь на слушателей, говоря уже с самим собой, – Никого не интересуется этот язык, даже милицию.

– Пять лет как жена умерла, запил. Потом с работы выгнали. Вот к нам... оказался. Профессор, а уж пять лет грузчиком. У нас была Федяка в бухгалтерии. Это фамилия. Анна Георгиевна. Она ему дальним... дальней родственником. Сына вытянул, с того света, считай. Наркоман.

– Профессор чего? – не понял полицейский.

– Психиатр. Или как... психолог? По голове... А может нейро... врач. Хирург. По мозгам.

– Сапожник без сапог? – не унимался задетый сержант.

– Не-а! Полгода не пьёт. Потом, как день рождения жены, и когда это... как его... Э-э-э, день смерти. Как раз с разницей в полгода. Берет отпуск на две недели и не просыхает. У-у-у. На складе ни разу, и все бутылки под счёт. Работать с ним никто не... с ним из таких, кто временный, воровать не даёт. А мне хорошо. Доверие к нему.

– Не пьёт?

– Не пьёт. Ни грамма.

– И сейчас? Трезвый? — язвительно дошёл свое отношение к этой истории полицейский. Или день рождения у жены?

Сержант, имел натянутую на аттестат тройку по русскому языку. И хотя ему было уже тридцать два года, детские воспоминания о Софье Семеновне, оставившей его на второй год в третьем классе, не делали его добрее в этой жизни. Особенно когда речь заходила о русском языке.

– Это – я не понимаю. Этого. Удивлён. Прыгнет, – почесав лысину под затертой кепкой с надписью «VINALITI. ЛЬЁМ ВИНО» ответил старший кладовщик. Эльмурад Геннадьевич был добросердечным человеком, заслужившим к пенсии от окружающих главную характеристику, выражавшуюся в его кличке – Гена. Его кавказское имя, было сложным к запоминанию, а редкая для горца мягкость в отношениях привела к связи с мультипликационным персонажем. Но слово «крокодил» никто не употреблял. «Гена»! Он и не обижался, подтверждая народную мудрость.

– Кулнотся, э-э-э пиши отчёты, – продолжил «Гена» с лёгким кавказским акцентом. Почти 40 лет он жил в Москве, но при волнении произносимые им согласные твердели, а гласные становились раскатистее, – Надо... э-э-э, по-человечески. Уволили его. Всэх. Неделю дорабатываем. Компанию продали. Он к нам на склад специально устроился, чтобы не пить. Сила воли. Бутылки вокруг. Соблазн, такой вот соблазн. Не пьёт. Сам себя так лечит, чтобы этого... не спиться. Только вот два раза в год. На день рождения жены и на смерть. Она у него...

– Вы говорили уже. Умерла, – перебил сержант.

– Да, да. Говорил. Нужно подмогу вызывать. Мы что? Сами, только если матрац принести. У меня в подсобке есть. Раньше сторож был. Он спал. А чего здесь ходить, меж бутылок! Закрылся и спи. Уволили. Его сразу. Как только узнали, что фирму закрывают. Одним днём рассчитали. А чего его... У него зарплата шестнадцать тысяч была. За сон платили. Смешно. Спишь за деньги. Но я не вмешивался. Я свою... Их дело. Начальничье. Нужно звонить, Вы своему, а я своему. Сами не справимся.

– А парнишка этот, кто? – указав на Сашу, спросил полицейский.

– Он и вызвал. Я его не знаю. Э-э-э, начальство попросило на ночь оставить. Айтишник. Налаживал чего, я не разбираюсь. Сказали оставить – оставил.

Очередная бутылка не досталась покупателю. На этот раз

это белое вино. Эльмурад Геннадьевич поднял осколок с этикеткой, и прищурив глаза отдалил его от лица на расстояние вытянутой руки:

– Рислинг из Мозеля. Тысячи две, не о чём! В той части не самые дорогие вина. Вот там дальше через три паллета. Неприятно будет. Бургундия. Надо вызывать подмогу. Там есть коробки по миллиону.

– За бутылку? – застыл в удивлении сержант.

– Нэт. За кейс... За ящик по-нашему. 6 бутылок. Но есть и по два миллиона у нас бутылки. Штука! Но они в офисе в холодильнике специальном.

– И что? Покупают.

– Покупают, – вздохнул кладовщик. – Страна какая видишь? Страна большая. В такой стране всегда есть важные люди. Дарят друг другу.

– И вкусное?

– Не знаю. Я вино не пью. У нас крепкий алкоголь принято пить. Коньяк или водку. Вино нэ серьезно как-то.

Желание «Шампанского» у Вениамина Валерьяновича не было связано с аллергией на красное вино или с его терпким и сухим вкусом, слишком непонятным людям старшего поколения, привыкшим к сладким винам. Нет, дело было не во вкусе, не в аромате, и уж тем более не в регионе. Дело было в пробке. Когда профессор проснулся и понял, что глоток вина сейчас покачивается на одних весах с не особо ненужной ему жизнью... Когда вокруг лежали тысячи бутылок...

Штопора под рукой не было!

Ярость! Бутылка за бутылкой летели вниз, собирая инстинкты в хоровод и ускоряя этот первобытный танец человеческой души.

Конечно, подготовленный и образованный в вине читатель скажет, что приличные вина бывают и под винтовой пробкой. Всё верно! И даже очень приличные. Но! Первое и главное – на этой полке их не было. А второе, это то, что мимолётная чуть уловимая логическая мысль, о том, что для шампанского штопор не нужен всего за минуту обросла словом подробностей. Холодная шампань, щекочащая нёбо тысячами пузырей, мелких как маковые зерна. Она удаляет жажду и питает голову теплым дурманом.

– Шампанского! – вновь прокричал грузчик!

– Валерьяныч, очнись! На этом стеллаже его нет. Это восьмой. Слазей, дорогой. Я принесу лестницу. И забудем! Товарищу сержанту домой пора. Его смена давно закончилась. Я всё спишу! Кому охота эти бумажки писать. Тут что? Ерунда. И двадцати тысяч не набил. Не Бургундия ведь! Спишем на бой и шито крыто. Начало месяца. Ещё бутылку брось для ровного счета и слазей. Э-э-э, дорогой, сам... Сам тебе открою бутылочку просекко!

Вниз полетела уже коробка с вином.

– Трактирщик! Лучшего вина! Бургундского! – Валерьяныч громко, постановочно засмеялся и отправил вниз ещё коробку. – Две корзины мне и моим друзьям мушкетёрам!

Наконец, так и не найдя заветной пробки с мюзле, профессор, предварительно сняв колпачок с горлышка бургундской бутылки, нагрел пламенем зажигалки его край. Затем разбил о металл стеллажа вторую бутылку и полил остатками вина на ненагретую часть горлышка... Ничего не произошло.

– Похоже расчёты не точны! – проговорил вслух «жаждущий». Но стоило только приударить горлышком о металл стеллажа – раздался долгожданный негромкий звук треснувшего стекла.

Вход в бутылку был свободен. Горлышко ровным надломом треснуло в месте окончания пробки. Мерсо – руки матери, приложенные к пульсирующей шишке упавшего с качелей дитя. Глоток за глотком оно успокаивало тело Вениамина Валериановича. Всё, занавес! Можно приставлять лестницу.

Но в этом прекрасном, удивительном белом вине, удачно сделанном молодым виноделом, в этом вине, помимо его сложного аромата, от попытки разгадать который начинает кружиться голова, помимо пронзительно-живого и звенящего вкуса с тоном солёного сливочного масла в послевкусии, в этом вине был и алкоголь. Он создавал идеальный баланс «тела» вина. Но... Спустя три минуты бутылка была пуста. Простой арифметический подсчёт приводил к выводу что при тринадцати процентах спирта и объёме бутылки семьсот пятьдесят миллилитров в желудке профессора оказалось

девятью пятью миллилитров чистого спирта. Это чуть больше стакана водки. А спустя десять минут практически весь спирт проник через мембраны клеток сосудов в кровяное русло и добрался до нервных клеток мозга. Кто, как ни человек, написавший не одну научную работу на тему биохимии алкогольной и наркотической зависимости мог бы точно объяснить, что было дальше... Но как раз он и был тем самым сапожником... да, с босыми пятками.

– А вот сейчас поищем магнумы Монраше! Сам сюда грузил. Поэфффективнее лягут, поэфффективнее – с этими словами профессор, уже способный перемещать своё тело в любой плоскости, нужно сказать, пришедший в прекрасное настроение, извлёк из деревянной коробки вино, делая глоток которого герой Мураками когда-то сказал, что он чувствует, как тает его зарплата на кончике языка. И бросил вниз. Аккуратно, мягко выпустив из рук.

– Нэт, не спишэм. Надо вызывать начальство, – подняв осколок с болтавшейся промокшей этикеткой и вздохнув сказал «Крокодил Гена». Ситуация изменилась. Наколенный расчёт руководителя склада показывал, что в этом русском «разгуляе» длившемся уже почти два часа, но качественно обострившимся в последние минуты профессор вдребезги разнёс почти две своих годовых зарплаты.

Через час, в проходе, заполненном сложным ароматом, стояли: участковый, наряд Росгвардии, спасатели МЧС со штатным психологом и начальник службы безопасности ви-

ноторговой компании – генерал полиции в отставке. Переговоры не давали результатов.

Ещё через час к ним присоединились директор по персоналу – сорокапятилетняя молодящаяся брюнетка, финансовый директор и с десятков зевак от грузчиков до водителей, наполнивших помещёние к началу рабочего дня.

– Я буду говорить только с владельцем! Пусть он знает, чем тут его подчинённые... Всех! Работяг. Без зарплаты. Уволили, а сами – вон! Вон, с парашютами! Стоите? Ссыте, да? Владельца! Или кульнусь! Кульнусь! – прокричал Валерьяныч, свесив в доказательство решительности часть своего тела со стеллажа, – Уже полгорода знают! Вон парень снимает! Отчёты будете писать следователям. Владельца! Моё условие, да. Владельца.

Все обернулись в сторону работника уже ведущего прямое включение с места событий, и набирающего так нужные ему «лайки».

В это время чёрный, огромный внедорожник ёрзал в утреннем потоке, тщетно пытаясь опередить время, обозначенное навигатором. Кремово-бежевая кожаная обивка сидения сливалась с цветом ног девушки, чьё спортивное, подтянутое тело откровенно блистало молодостью и ухоженностью. Ева, так звали красотку, сидела на переднем пассажирском сидении.

Автомобиль вёл Роман. Прилегающий силуэт костюма, короткая молодящая стрижка, аккуратная небритость и две

женщины в его жизни. Владелец. Точнее, представитель владельцев банка, выкупивших землю «Фабрики Игрушки» под жилой комплекс. Он даже не опаздывал, но его раздражала любая медлительность. Будь то долгое пережёвывание пищи или пробка на МКАДе. Через месяц ему пятьдесят. Ей двадцать два, и она хочет семью и детей. «Какая семья? Делай селфи, трать деньги!» А ей был нужен мужчина. Этот! Целиком. Именно поэтому они молчали, а он всё резче перестраивался из ряда в ряд.

– Я доброшу тебя до Ленинградки, вызови такси. Там есть заправка. На пересечении, – не выдержав паузы, обратился к девушке Роман.

– А ты?

– Мне нужно на склад. Там заварушка какая-то. Борис Семёнович написал, припросил решить.

– Какой склад? Ты к ней? Так и скажи. Она твоя жена. Чего тут.

– На склад, – стараясь не поддаваться на провокацию, сдержанно ответил Роман. – Мы купили землю. Там виноторговая фирма. Пришлось и её купить. Я тебе говорил. Там... жилой комплекс. Лухарский. Хочешь квартиру тебе куплю вторую?

– Нам?

– Тебе. Я не уйду. Не мечтай. Я люблю её.

– А меня?

– Тебя? – как будто сам себя переспросил Роман и про-

должил уже громче перечислять достоинства девушки в третьем лице, – Красивая, молодая. Умная. Бескорыстная... или хитрая. Пока я не понял.

– И что? Что? Не хватит? Через двадцать лет буду как она.

– Двадцать три, – мгновенно озвучил разницу в возрасте своих женщин Роман. Он не раз уже задумывался об этой арифметике.

Молодость. Ему нужна её упругая кожа? Или чистая страница судьбы. Еве доставались обеды. Иногда выходные и командировки. Уже год. Купил машину. Дорогую. Небольшую квартиру в центре – размером напоминающую парижский отель. Что ей ещё нужно? Селфи... просекко, ЦУМ. Молодость.

– Ева, – продолжил он, – Почему ты... ты особенная? Я тебе сразу, ты ведь сразу поняла мы только...

– Трахаемся?

– В обмен на подарки. Дорогие. Что не так?

Девушка отвернулась, показывая, что не будет отвечать. Роман перестроился на обочину и двигался по ней, обгоняя притормаживающий перед очередным затором поток автомобилей. А она смотрела, не фокусируя ни взгляд, ни мысли. В окне мелькали сосны. Небольшая часть кольцевой дороги, ещё не застроенная человеком. Что не так Ева? «Всё! Всё не так! Всё пошло совсем не запланировано. В нём есть, то, что хочется спасти. Достать из грязи и отмыть. Неужели только я это понимаю? Снять весь этот вонючий лоск. Докопаться до

сути, и прижать к себе». Это были не мысли, это было ощущение, которое девушка боялась доверить сознанию. Иногда люди называют это... любовью.

– Что не так, Ева!?! Блять! – повторил мужчина свой вопрос, вдавливая педаль тормоза в пол, так как перед ними вынырнул доставщик на электровелосипеде.

От локомотивного сигнала клаксона, спрятанного под огромным радиатором этого танка, от неожиданности ситуации совсем молодой житель Средней Азии, третий раз в своей жизни выехавший на МКАД не удержался и завалился прямо под колёса чёрного джипа. Лексус защелкал ABS тормозов и как вкопанный остановил свои две с половиной тонны массы в полуметре от доставщика, успевшего лишь поменять желтоватый-смуглый цвет лица на пепельно-канареечный. Роман ещё не успел выдохнуть, как вдруг их слегка потряхнуло и вдавило на секунду в спинки сидений.

– Твою маму, Раису Альбертовну! Сашенька! Куда? Куда ты смотришь, слепёныш! Это же Лексус! Он стоит как наша квартира, которую я напому тебе, мы сдаём. Потому что у тебя болит спина, и ты не хочешь работать на пенсии! Лексус! Новый Лексус. Вот как люди живут! Слався Бог! Ты подарил этому обществу мысль об обязательном страховании! Выйди посмотри, посмотри, что с Дорой? Что с малышами, вроде бы не сильно ударились. Сам? А? Как спина?

Старый мерседес уткнулся поржавевшим капотом в Лексус. Немецкой машине было как минимум тридцать лет. Се-

редина девяностых – конец эпохи, когда вещи делали добротнo и надолго. И этот, хотя и успевший покрыться коррозией метал, распотрошил заднюю часть джипа Романа, как пуховую подушку. Перед глазами Зинаиды Михайловны блестели латинские буквы составляющие название японской марки. А поскольку женщина она была образованная и даже владела четырьмя языками, то быстро сделала выводы о перспективах ситуации.

Но всё было намного хуже. Она не знала главного. Зато, «главное» хорошо знал её муж, Александр Михайлович Кац, с которым она счастливо прожила в браке уже сорок три года. Которого любила всей своей душой, что не мешало ей поносить его руганью, жалеть, командовать, в общем делать всё, что делает сильная женщина, выбравшая себе в мужья не взрослеющего ребёнка. Две минуты назад, со словами «Александр! Давай за этим чёрным, он знает, где нет камер!», она вынудила Александра Михайловича вырुлить из правого ряда на обочину, и держаться за быстро разгонявшейся машиной Романа.

Бледный пенсионер, не произнося ни слова открыл дверь. «Слава богу не заклинило» – подумал он.

– В порядке. Все живы, бегают, – сквозь салон сказал Александр Михайлович. Он стоял у открытой задней двери своего старого Мерседеса. Это был кузов универсал. Во вместительном багажном отсеке стояла картонная коробка. Из неё преданными глазами, не менее преданными, чем глаза

его супруги во время его приступов астмы, на него смотрела Дора – семилетняя рыжая сука Лабрадора. Рядом с ней, очнувшись от удара об заднее сидение лазили по матери три двухмесячных щенка.

Дора рожала два раза в год уже пять лет. И поскольку она была дальней родственницей лабратора президента, по крайней мере так всегда говорили при продаже, Дора помогала семье сводить «концы с началами», как любила шутить её хозяйка, имевшая два высших образования, но ставшая к пенсии заводчицей лабрадоров.

– Чего ты такой бледный, мальчик мой? Ничего! Наше корыто починит твой племянник, а этому бандиту, – сказала она в сторону открывшейся двери Лексуса, – заплатит страховая компания. Чего ты бледный Сашенька? А?

«Мальчик» виновато молчал.

– Нет! Только, только... Ты же сказал, что купил.

Её муж безмолвствовал. А что ему оставалось? Молчать. Впрочем, как всегда, когда он чувствовал, что в очередной раз подвёл семью.

– На что? Ну! Не молчи, козлёныш мой. На что? – с присущей только ей смесью ласки и злости, спросила мужа Зинаида Михайловна.

Два дня назад пришла СМС, что пора продлить страховку. Как раз забрали щенка. Они продавали их по двадцать тысяч. Собака действительно была хороших кровей, но лабрадоры были уже не в моде. Зинаида Михайловна отсчитала

двенадцать тысяч на покупку полиса.

– Купил тебе... Подушку ортопедическую. Ты же, ты жалуешься, жалуешься, что шея... Хотел сюрприз... Н-н-н даче. Пенсия послезавтра, я бы тогда полис этот – проямлил Александр Михайлович.

Он любил. Любил? Был привязан? Не представлял «как отдельно»? Он любил её всю свою жизнь. Казалось – вот она. Вчера ещё была – жизнь. Оливковый мерседес он купил новым. Все завидовали. Она гордилась. На грант. Михаил Кац был учёным. Зинаида Кац, в девичестве Фролова – переводчиком с иврита и идиша. И испанский. И английский, конечно. В то время, когда все сводили концы с концами, им везло. Заслуженно ведь. Он учёный... В ядерной физике. Чьи работы датировались из США и Израиля. Многие уехали, а они не решались и вот – мерседес. И дача! Но как-то это всё... Оказалось в прошлом. И Париж – уже в прошлом. Тогда все только в кино и по воскресениям в «Непутёвых заметках» его видели, а они поднимались на башню и мир был – там, внизу. И Испания три раза. Дочь повзрослела, вышла удачно замуж и уехала в Израиль. Друзья, кто здесь, кто по миру, кто умер. Уже умер, надо же! Только вот мерседес и дача стареют вместе с хозяевами. Как раз сдали на лето квартиру и ехали на дачу. Опаздывали, хотели успеть истопить баню. Вечером гости! Такие же переделкинские лысые доценты и воздыхатели по прошлому.

– Ах ты мой друг, дружок. Возьми самого слабого – с

белым ухом. Садись за руль и закрой дверь.

Чуть испачкался, когда отрывал кусок бампера, который цеплял колесо. Джип снова летел по обочине. Роман умел быстро находить главную часть проблемы и так же быстро её решать. Уже затем, методично и по плану зачищать её остатки. Так было в бизнесе, за это его и ценили. Так было в спорте и в быту. Но не в личной жизни. Здесь он позволял себе быть сентиментальным.

– Вот за это!

– За что?

– За это. За то что взял щенка, и не вызвал полицию.

– У меня КАСКО, какая разница. Скажу сдавал пьяный. Хм-м. Возня. Нужно было бы ждать полицию. Что с них взять? Тем более без ОСАГО.

– Вот за это, – сказала Ева почти шёпотом.

– С ним гулять надо. Максу подарю, он давно просил, – сказал Роман, видя внезапную симпатию Евы к животному.

– Я с твоим сыном не конкурирую. Забирай.

Щенок с интересом взялся за сумочку Евы, пытаясь приоткрыть её и залезть внутрь носом.

– С женой... Так ты со мной? На склад?

– Нет. Высади на заправке хорошей.

– Так дальше не пойдёт. Я искал любовницу, а на проблемы. Понимаешь?

– Да. Проблем больше у тебя не будет. Закончатся.

– Их и не было.

– Тогда почему я в этом кресле, а не она?

Джип остановился на заправке. Обычная, современная, типичная. «Доброжелательно поздороваются, предложат товары по акции. Такие же молодые, как и она. Чуть ниже ростом. Может не такой тонкий нос? Чем они хуже? Почему они там, а она...».

Ева поцеловала щенка.

– У меня есть имя для него.

– Это мальчик?

– Да, – ответила Ева, приподняв щенка и взглянув ещё раз на маленький отросток под животом. – Скажи Максу, что у него уже есть имя.

– Хорошо...

Ева как будто забыла о просьбе. Её лицо на несколько секунд стало неподвижным, и странным, как мраморные головы Модильяни.

– Ева!

– Что?

– Имя?

– А... – лицо ожило.

– Дике.

– Красивое. Есть смысл?

– Не знаю. Дике. Где-то слышала.

На заднем сидении сидел щенок. Дике. А Ева удалялась, вытягивая своей грациозной походкой из Романа последние силы вернуться к жене. «Нет они так не ходят, эти продав-

щицы на заправках» – подумал мужчина и потянулся закрывать, оставленную открытой дверь.

– Как же я «так» научился? Ведь это... предательство? – спросил он вслух у маленького щенка, взглянув на беззащитную добрую морду, и уже его собачим голосом ответил сам себе:

– Хорош, не раскисай! Гав! Просто молодая девчонка, упругая попа. Жизнь одна и не стоит усложнять.

Бивни автопогрузчика натянули на себя деревянную палету. В руках Романа был Дике. Щенок был хорошей идеей для переговоров. Собаки всегда вызывают доверие и положительные эмоции. На рекламных фото Ральфа Лорена много собак и лошадей. Дружба и красота. Он знал толк в психологии.

– Не упадёте? Я скажу медленно, чтобы поднимал. Но лучше присесть. Я могу ящик принести, – услужливо обратился к новому начальству генеральный директор. Он первый раз видел Романа, и не знал как на него реагировать. Дела компании действительно не были чисты и хотелось сохранить хорошую «компенсацию». О репутации в этом городе волноваться не стоило.

– Я опытный сёрфер. Не переживайте – ответил Роман и махнул рукой водителю погрузчика.

Он.

Он, это – он. Роман и есть главный герой нашего повествования. Присмотримся к нему ещё раз. Прилегающий силуэт

костюма, короткая молодящая стрижка, аккуратная небритость и щенок в руках. О двух женщинах в жизни Романа, Валерьяныч знать не мог. Таким вознёсся в проходе на двенадцатиметровую высоту и предстал перед запившим грузчиком новый владелец этого места. Точнее, представитель владельцев. Диалог пьяного психиатра, работающего грузчиком и пришедшего в жизненный тупик успешного управленца должен был быть, как минимум не обычным.

Положенная в таких случаях пауза действительно состоялась. Почти минуту, с того момента как палета замерла на уровне грузчика, оппоненты изучали внешний вид друг друга. Первым разрядил обстановку Вениамин Валерьянович:

– Хорош. Настоящий! Труссы какого цвета? Белые?

– Белые, – невозмутимо, с лёгкой улыбкой ответил Роман.
– С черной резинкой.

– Ко мне перескочите или там удобнее?

– Здесь пока.

– А щенка зачем взяли? Для жалости?

– Нет. Мне его полчаса назад подарили. В машине жалко оставлять. А здесь я никого не знаю.

Роман вёл себя спокойно, отвлечённо и не обязывающе к собеседнику.

– Ага. Так Вы и есть новый владелец?

– Представитель. Владелец – это банк. Там совет директоров и инвесторы. А я отвечаю за эту сделку.

– Хорошо, спрошу по-другому. Вы можете их уволить.

Всех. Без этих парашютов.

– Кого?

– Начальство! Они эту фирму довели до краха. Я пять лет здесь работаю. И что? Куда теперь? А ребята? У Гены вон... Да у всех. Ипотеки, дети, внуки.

– Для этого вы разбили вина на два миллиона рублей? Чтобы мне было легче выплачивать людям зарплату?

– Со злости! С пьяни! Ты мне пообещай, что с людьми рассчитаешься, а с этих... Спросишь.

– Обещаю. Оно бы и так... Без этого... Бизнес. Здесь деньги просто так не дают. Это не они фирму погубили. У предыдущего владельца не было выбора. Хорошая площадь, чтобы оставаться в таком метраже.

– А это? – кивнул в сторону коробок с вином грузчик.

– Продадим оптом другой компании. Фабрику снесём. И склад.

– Так просто?

– Да. Так что, спускаемся?

– А что со мной?

– Ничего. Считайте ничего не было.

– Так там на два миллиона! – возмутился Валерьяныч. Он как будто увидел ещё большую несправедливость, на фоне которой всё меркло.

– Этот проект оценивается в сто тридцать миллионов. Долларов. Я здесь только потому, что меня припросили. Считайте ничего не было.

– Нет! Так не пойдёт!

Вениамин Валерьянович мог выделить на начальной стадии любое расстройство из шизофренического спектра. Справлялся с тяжёлой наркотической зависимостью у пятидесяти процентов пациентов. Мог не пить полгода. Но этого, этого он не понимал!

– Нет, не пойдёт. Кто попросил? Кого? – повторил грузчик.

– Меня. Один из инвесторов. Его попросил его друг. Генерал.

– И всё? Вот как у вас значит. Один попросил, второй попросил. И нет двух миллионов! Испарились!

– Можем посадить вас в тюрьму. Или отнять дачу. Через суд, конечно. Я не специалист. Нужно позвонить юристам. Мне щенка нужно кормить. Вы решайте пожалуйста, я буду спускаться.

– Прыгну.

– Это уже не моя зона ответственности. Там есть психолог. Полиция. МЧС.

– Прыгну!

– Это не в моей компетенции. Закончили?

– Хорошо. Считайте переговоры окончены. Можете ехать. Попросил... Второй попросил... Легко у вас!

– Вниз, – крикнул водителю Роман.

«Открыто-пренебрежительное отношение к общественным нормам нравственности и благопристойности». Это

определение цинизма времён Малой Советской Энциклопедии. Но ведь общество давно не нравственно. Роману не было дела до этого разбившегося вина. В какой-то момент он представил себя в возрасте этого человека с длинными седыми волосами, смахивающего на постаревшего Атоса. И меньше всего через пятнадцать лет ему хотелось лежать, как он на стеллаже с вином, которое день назад грузил руками на поддон. Или решать проблемы на два миллиона. И даже на сто тридцать миллионов долларов. Он почувствовал хрупкость ненужной жизни. Не нужной окружающим. Ему успели рассказать биографию этого человека, и он решил, что незачем в неё вмешиваться. На это есть другие инстанции. С которыми в два звонка не свяжешься. Даже если звонить из церкви. Даже если колоколами.

– Вниз, – громче повторил Роман.

Палет скрипнул. Возможно, не стоит так думать о высших силах на высоте третьего этажа? Одна из досок надломилась под левой ногой Романа, и чтобы удержаться он машинально отвёл локоть в сторону. Дике выпал из рук. Дальше стоит описывать всё медленнее. Как ни странно, но вторым инстинктивным движением Романа было не удержание равновесия, а попытка словить выпавшего из рук щенка. И ему это удалось. Но проблема была в том, что теперь устойчивость человека со щенком в руке была окончательно нарушена. На глазах Валерьяныча его оппонент неловко и даже комично, помахав свободной рукой слетел с поддона. Вариан-

тов не оставалось. Сила притяжения с ускорением, рассчитанным ещё Ньютоном, потянула Романа и щенка к центру планеты Земля. Но на этом пути в двенадцати метрах ниже был бетонный пол... Всё что успел человек – прижать двухмесячную собаку к животу и согнуться.

Хлопок. Крепкие мужские руки бережно ослабили натяжение и опустили Романа на землю. Он даже не крикнул. Удивительно.

– Жив? – заорал грузчик сверху.

– Жив! Что с ним будет. Не в первый раз. Сейчас шею проверим. Но вроде боком падал. Слезешь? Или тоже? – ответил старый прапорщик Валерьянычу. Он много видел смертей за свою службу, поэтому воспринимал оставшихся в живых, как награду.

– Слезу. Только не на этой штуке. Поддон хлипкий.

– Разбиться боишься? – засмеялся прапорщик.

– Не поверишь, теперь боюсь!

– Щенка спасал. Инстинкт. Один на сто. Ну два. Можешь мне поверить. Девяносто восемь процентов не дёрнулись бы. И я! И ты... Подсознание оценивает риски, сравнивает приоритеты и выдаёт мышцам приказ. Без вариантов. Особенный, можешь мне поверить. Но МЧС конечно... То же... Не ожидал. За две секунды натянули свой брезент. Как только его повело. Вшестером. Как! Слажено. Значит, и я бы. Неприятно. Решиться и не умереть. Как с таким дальше жить? Ты слушаешь?

Вениамин Валерьянович продолжал свой внеплановый запой в рюмочной, рассказывая спустя два часа после происшествия случайному собутыльнику сегодняшнюю историю. Тот, возможно, и слушал, но точно ничего не понимал.

– Ты на этого, этого. На мушкетера. Ну... – собеседник икнул и потерял фокус. И практически сознание. Так несколько секунд он находился в забытии, пока новое непроизвольное сокращение диафрагмы вернуло его в действительность и он снова оказался в рюмочной. Напротив него сидел Портос. Шпаги и шляпы не было. – А где Арамис? И этот... Как его армянин?

– Д'Артаньян?

– Да он? И твоя шпага? Ну не суть! Давай! – собеседник поднял кубок. Это была его последняя рюмка на сегодня. Организм, почуяв очередную порцию водки ещё в пищеводе, дабы более не рисковать своим существованием, отключил электричество, к той части своего же мозга, которая устраивала все эти гонки на выживание. Случайный собутыльник, чьё имя Валерьяныч не стал запоминать за ненужностью, рухнул суточным сном на барную стойку.

– Сколько он должен? – спросил бывший профессор, подзвав бармена.

– Две четыреста, – ответил молодой парень, покрытый тату до подбородка.

Профессор достал из внутреннего кармана «временно усопшего» бумажник, отсчитал нужную сумму и закрыл его

счёт. Затем позвал менеджера заведения и вручил ему тело своего случайного знакомого вместе с его кошельком.

– Смотри, тут его зарплата. Ты вроде, на честного похож, по мордашке.

– И что мне с ним делать?

– А что вы обычно делаете в рюмочной с такими? Не смотри на меня. Я его первый раз вижу

«Нужно подстричься и перестать пить. С завтрашнего дня!» – подумал профессор, и направился в следующее питейное заведение, предусмотрительно переложив паспорт из внутреннего кармана пиджака в задний карман брюк и зафиксировав его пуговицей.

Глава 2

Глава 2. Она

Ему всегда было всё равно, что думают окружающие. Но сегодня он словил себя на мысли, что не хочет подъезжать к ресторану на разбитой машине. Роман нарочно бросил её под знаком, решив, что пусть эвакуируют! «Пошлю завтра Диму. Со штрафстоянки в СТО!» – проговорив вслух странное решение.

Пройдя переулок Роман вошёл в ресторан. Стояли последние дни мая. Солнце ещё не палило. Оно мягко нагревало, проникая в открытые двери, окна и щели. Заставляя всё и всех попадавшихся на пути его волн отбрасывать тени. Сколько всего за один день! Авария. Щенок! Как же его зовут? Выскочило из головы... Ева, со своей походкой... уходящая как будто навсегда! А этот человек с седыми длинными волосами? Затем в памяти был пробел. Роман знал, помнил, что упал. Знал, что его спасли, раскрыв брезент. Но не мог вспомнить ни одной подробности. В его сознании было только знание случившегося. Какой-то не живой бинарный код, заменяющий человеческую память.

Молоденькая хостес завизжала от радости, увидев щенка на руках. Она сжала все мускулы лица в гримасе доброй ворчуньи.

– К нам нельзя с... Какой же он хорошенький. Как его

зовут?

– Дике, – вдруг вспомнилась кличка.

– Блин, сокровище! Но...

Роман знал, что делать. Он знал, она знает, кто он. Знал, что правила для других. И он обожал этот лёгкий флирт. Эту белую хрустящую сорочку. Свой приталенный английский костюм и её взгляд, дающий надежду обнять её тонкую талию.

– Я сейчас выйду. Как будто не приходил. Спрячу это «сокровище» за пазуху. А там уже пусть менеджер разбирается, хорошо?

– Конечно!

Роман действительно вышел и зашёл через минуту.

– Добрый вечер, Вы заказывали столик? – обратилась к Роману девушка, сдерживая свою прекрасную улыбку.

– Меня ждут. На имя Юлия, скорее всего.

– Да, конечно, я провожу.

Роман плюхнулся в кресло. Напротив него сидела эффектная женщина.

– Ты не упускаешь возможность флиртовать даже с хостес.

– Почему ты решила?

– Она не сводила с тебя глаз.

– Ты раньше не ревновала... Из-за щенка. Вот. Макс наконец получит собаку.

Роман приоткрыл полы пиджака и показал жене Дике. На несколько секунд мраморное лицо Юли расслабилось. Но это

длилось не долго. «Что с её лицом, что с их лицами? Второй раз думаю об этом сегодня» – проскочило в голове Романа. И вдруг странный ком покатился вниз по пищеводу и застрял напротив сердца, надавливая на него. «Не слюна, ртуть какая-то».

– Я ухожу, – тихо, спокойно сказала Юля. Но её глаза улыбались. Или это из-за щенка, высунувшего морду и жадно изучающего новые запахи? Мрамор, а не лицо! Это не шутка? Не сон? Блеф! Что она знает? Никогда, никогда не признавайся. Никогда! Это первое правило!

– Прости... – глядя в её розово-серые глаза сказал Роман. У Юлиных глаз были голубовато-серые зрачки, но лучи послеобеденного солнца, придавали им сейчас странный цвет.

– Это я ценю. Честность. Я бы сказала, что я это в тебе люблю. Но уже нет, нет.

– Она? Она...

– Было бы проще, была бы просто... молодой сукой. Это, это ничего бы не изменило. Но проще... А так, так даже. Моложе и... любит тебя. И... Прощай, – сказала женщина и встала из-за стола. Обтягивающее платье. Каблуки. Видно, что она хотела быть очень красивой на этой встрече. И была. Настолько, что её муж сейчас жалел о сноровке и умении пожарных растягивать брезент.

– Его зовут Дике...

Глупо и не уместно, но уже сказано. В третий раз. Пер-

вый раз Евой. Второй раз Романом – кокетничающей хостес. Третий...

– Щенок не заменит сыну отца. Оставьте себе. Не пиши, и не звони. Адвокат напишет. Думаю, с имуществом мы справимся.

Юля хотела уйти, но остановилась и подошла к человеку, с которым была вместе почти двадцать лет. Роман не смел даже пошевелиться.

– Ты ведь не будешь отрицать?

– А ты хочешь?

– Хочу...

Она поцеловала его в затылок. Любя. Ещё любя. Так целуют, прощаясь навсегда. «Как же она красива!» Все их годы вместе она была безумно красива. Просто время. И его эго, и её привязанность к сыну. Он смотрел вслед её тающему в глубине зала силуэту.

Юля вышла из ресторана. Чуть кружилась голова. Водитель открыл ей дверь и сделал вид, что ничего не случилось. Что, он не видит её слез, что не видел машину её мужа в полукилометре от ресторана, что никогда не встречал в городе Романа с девушкой, державших друг друга за руки.

Она.

В то время, как дорогая машина прорезала насквозь город, она плакала на заднем сидении. Вокруг были счастливые люди. Скорее, прочь от этих безразличных, веселых лиц. Юля попросила остановиться. Тошнило. Они хорошо жили.

Рома стал много зарабатывать. Много. Достаток перерос в богатство. Няня останется с Максом на пару дней! Женщина постучала водителю по плечу, протянула ему свой телефон и тихо, почти прислонившись к его уху спросила:

– Дима, это отель за Костромой. Доедем? Часов пять-шесть. Я побуду там несколько дней. Я напишу, когда меня забрать.

– Это часов семь-восемь – пробки. Доедем, – вбив координаты в навигатор, ответил безупречный, незаметный, а от того незаменимый водитель семьи. Бывшей семьи.

Остыли немного друг к другу. Но ведь так у всех. Подарки, Мальдивы возвращали их в постель и мир завидовал такому счастью. Может быть, всё восстановится? Не они первые.

– Солнце для всех одинаково. Планета словно волчок, трётся боком о его свет. Всё это запущенно кем-то очень давно, кем-то, кто, кто имел силы закружить. Вам не скучно?

– Нет, нет. Не скучно. Вы красиво всё... Как-то просто говорите. Я слушаю.

– Здесь сила трения меньше. Это условно, не научно. Я бы даже сказала – антинаучно, но какая красивая мысль. Она не моя. Поэтому прохладнее... Понимаете? Поэтому и быт, да и люди и их мысли. Без ритма. Зачем ритм на севере. Разве можно представить барабанщика среди этих берёз?

– Да, Вы правы. Барабанщика я не представляю.

– Да, именно! Здесь не нужен барабанщик. Среди пальм

– пожалуйста!

– А я благодарила вселенную за него. Дура, – вслух, но тихо только для себя, сказала Юля.

– Всё ещё любите?

– Я не смогу...

– Простить?

– Не могу...

– Скажите Юля, бывают мысли, о том, что ваше счастье сглазили?

– Нет, нет! Нет! Я не верю в судьбу или в силы... Нет, сглазили? Нет.

Две женщины шли по алее среди берёз. Это ещё не север, но солнце на этой ивановской земле никогда не зависает над макушкой, так чтобы пришлось запрокидывать голову, если вздумается посмотреть на него в полдень. Было уже та пора суток, когда оно перевалилось через свою высшую точку и теперь, двигалось вниз по очень плавной линии, призывая людей думать о планах на вечер. На этой широте, в эту пору ночь оставалась светлой. Конечно, не белой, как назвали этот феномен люди. Ночь – всегда ночь.

– Попросите ребёнка нарисовать ночь. Какие краски он возьмёт? – спросила Юлю её новая знакомая.

– Чёрные или синие.

– Даже здесь, сейчас? Когда «белые ночи»?

– Это похоже на тест. Анна, вы не психолог случайно? Мне очень нужен психолог. У меня был хороший. С коучами

по бизнесу проще... все стали учить жить. Даже духовный учитель есть... Оказывается нужен психолог, хорошо бы... хм, не психиатр. Жуть, что внутри! У меня был. Улетел. Можно онлайн. Но онлайн... Я не чувствую присутствия, понимаете? Он в штатах, варианты найдутся, но это неудобно.

– Нет, не психолог. Я риэлтор-юрист. Или юрист-риэлтор, – спутница Юли улыбнулась странной улыбкой, – Продаю спорные объекты.

– А... Интересно. На грани закона?

– Нет, как раз по закону.

– Вы не похожи.

– Вне таких мест я менее романтична. Я не психолог, но знаете... Чужому человеку всегда легче поплакаться. Утром мы ещё не были знакомы. Кажется, я тот самый вариант – выговориться. Но, не настаиваю.

– Да, да. Это нужно. Подпирает, не могу держать, – откровенно и открыто согласилась с доводами Анны Юлия.

– Сейчас, сейчас неудобно. Такие вещи требуют особой обстановки. Как раз, да... Да. Психологи и священники об этом осведомлены. У меня, это конечно мелочь – экскурсия. Съезжу, а вечером сядем на веранде. Возьмём бутылочку хорошего вина. Как Вам?

– Убедительно, – ответила с тоном надежды «пострадавшая».

Анне Федоровне Нойзер-Шепелёвой было пятьдесят девять лет. Из них, в общей сложности почти год, она провела

в следственном изоляторе. Но судимости в её документах не было. Ей удавалось откупаться. Она действительно была риэлтором. Слово юрист, которое она добавляла, говоря о своей деятельности, скорее подходило к её знаниям ответственности за нарушение законов. А она их нарушала. Человеческие, моральные и уголовные. Если бы кого-то, из имевших с ней дело людей, попросили дать более точное определение её деятельности, то звучало бы только одно идеальное слово – мошенница.

Бутылку Бордо для них откупили, только через день. Анна умела выдержать паузу. Она подвернула ногу на экскурсии, за что сильно извинялась перед «Юленькой». Вино было неплохое для этих, отдалённых от столиц мест. Во вторник, первого июня две женщины откровенничали о прожитом ижитом, делая глоток за глотком, и периодически переключаясь на неумелое обсуждение вкуса и аромата каберне совиньона и мерло, входящих в состав ассамбляжа.

Больше говорили о Юле, поскольку ей действительно нужно было избавиться от слоя грязи и ила, покрывшего её мысли. Удивительно, но ещё несколько дней назад этот слой был совсем другого цвета и консистенции. Он напоминал лёгкую серебряную паутину, из опыта и приятных воспоминаний.

Анна Фёдоровна умело слушала, направляя изливания новой подруги в нужное ей русло, то защищая Романа, то понижая все его последующие жизни после реинкарнации на уровень ниже и ниже. Вино в бутылке закончилось. В этот

момент изменщик превратился в камушек, который бросят в аквариум. До этого он, конечно, был гуппи.

О себе новая подруга говорила не много, умело перемешивая реальные факты собственной биографии с вымышленными, поскольку сложно быть убедительным на полностью придуманной истории. Правдой был почти сорокалетний ребёнок-наркоман. Ложью – два высших образования. Правда – имя. Отчество и фамилия – выдуманы. Точнее, официально изменены после первого следствия. Образ мыслей, чувства, эмоции за долгие годы размыты между необходимостью вырывать у смерти испорченного обществом, единственного ребёнка и желанием спокойствия, и умиротворения, для неё не были ни тем, ни другим – ни правдой, ни ложью. Ни белым, ни чёрным. Анна, давно не позволяла себе жалости. Это давало ей внутреннее право лгать и говорить правду ровно в тех пропорциях, которые были нужны для финансовой стабильности. Риски в конце концов загреть за решётку, постоянное решение проблем нигде толком не работавшего сына, его новые и новые ретриты... Всё это поддерживало в женщине собственную мораль, которая, как пелена катаракты покрывала её душу не позволяя взглянуть на мир дальше горизонта своего маленького хромого семейного счастья. Счастья? Хотя бы в те моменты, когда всё казалось не так уж плохо. Никто ведь ещё не умер, от того, что лишился недвижимости!

Подруги допили последние капли.

– Он всегда говорил, если пустой бокал пахнет ещё долго хорошо, значит... то есть, то есть – вино хорошее. Как-то так. Смысл, понимаете...

– Юля, давай перейдём на ты. Мне кажется самое время.

– Согласна, хотя неловко.

– Надеюсь не из-за возраста? Было бы неприятно.

– Вы... Ты... Хорошо! Ты прекрасно выглядишь. Не думаю, что у нас большая разница.

– Спасибо, спасибо. Я завтра уезжаю. Думала побыть ещё, но образовались дела. Сейчас очень много сбрасывают... Много хороших предложений.

– Кто уехал?

– Да. Много такого. Завтра уеду. Но как только вернёшься в Москву, звони. А где ты будешь жить? Надеюсь, он съехал? Не ты? Тяжело – жить в доме, где всё... вместе... Мне так кажется...

– От этого вопроса я наверное и скрываюсь здесь, – подхватила мысль Юлия.

– Обязательно сходи в эту усадьбу там такие виды. Там цветы... Не буду спойлерить, сама увидишь, – жонглируя темами, вела разговор Анна, – Удивительное место. Ну а вернёшься – звони. Понадобится новая квартира или дом. Я подберу. Сейчас много хороших предложений.

– Да. Пока не могу думать.

– Надеешься проснуться, и ничего не было. Как будто сон! Я знаю это чувство. Да. Ну пойдём по номерам, а то до ди-

жестива досидимся, а там и до головной боли на утро.

Анна понюхала пустой бокал:

– Действительно пахнет. Даже лучше, чем было. Сколько стоила это вино? Ты не против если я оплачу счёт. Мне будет приятно.

– Около двадцати пяти. Или тридцать. Мне неловко.

– Мы ведь сразу видим, кто сколько зарабатывает. Риэлторы. Даже не по одежде. По манере держаться. Мне будет приятно. Я оплачу. Это будет поводом ещё раз встретиться.

– Хорошо. В следующий раз я. Я поняла.

На следующее утро Юля записалась на экскурсию в усадьбу. Группа была небольшая. Четыре человека вместе с Юлей и гид. Около полудня микроавтобус подъехал к крыльцу отеля и забрал туристов, перемещая их ещё глубже на северо-восток страны.

Им предстояло увидеть старое имение какого-то князя. Юля запомнила и сразу же забыла его фамилию. Но есть ли кому-то дело до его точного имени, если его давно нет в этом мире? Автобус был большим, и Юля отсела на задние ряды, предупреждая всем своим видом о не лучшем настроении для беседы.

Два часа монотонной езды сквозь лес. «Лес, лес, лес», – Юлия проговаривала про себя, словно славянскую мантру, это короткое слово. Растения подступали к полотну дороги, отвоевав в этом затяжном противостоянии обочину и претендуя на часть, покрытую асфальтом. Воздушные фильтры

мерседеса не справлялись, позволяя чистому, сырому воздуху с неповторимым ароматом наполнить салон. От избытка первозданности у Юлии начинала кружиться голова. Причина могла скрываться в её глазах, перед которыми мелькали стволы берёз, или в носе, с трудом, приспособившегося к отсутствию запахов человеческой деятельности. Её укачало. Автобус то и дел притормаживал перед очередной выбоиной. Дорога совершенно точно вела в никуда. Строительство бросили в конце девяностых, так и не соединив две ветки. Спустя почти двадцать лет этот сорокакилометровый асфальтный тупик оброс пансионатами, вольерами для охоты, всевозможными базами и отелями. Но по старинному русскому обычаю «сбрасываться» на ремонт общей дороги никто не хотел. Кормящая жила для нескольких десятков заведений, включая крупные лесозаготовительные предприятия, худела и изнашивалась. Перегруженные древесиной тягачи оставляли борозды и шрамы на асфальте в редкие жаркие дни. Вода, следуя неустойчивой погоде сменяла своё агрегатное состояние, коварно проникая в щели на покрытии шоссе и словно заправский взломщик с фомкой, уже льдом выламывала куски асфальта. Природа как будто показывала человеку, как быстро она сможет стереть его след с земли, стоит последнему зазеваться в очередном самоуничтожении.

Впереди, нашедшие общие интересы молодая пара и такой же молодой экскурсовод – девушка без признаков женственности, взахлёб и наперебой рассказывали о «приколь-

ных» местах и «прикольных» людях, осуждая всех других, не «прикольных».

Некрасивый, невысокий лысый мужчина с добрым лицом в неброской, но явно дорогой одежде слушал их пустой диалог. Его лицо не выдавало его настроения. Он был одинаково внимателен, заинтересован и не вовлечён в дискус, воспринимая его как необходимый и запланированный атрибут экскурсии. Но иногда он всё же выходил за рамки созерцателя. Это случалось, когда он находил очередной повод обернуться и бросить короткий взгляд, совершенно случайный, как казалось ему самому, в сторону одинокой и очень красивой женщины, борющейся со сном, и в конце концов проигравшей ему. И оттого особенно привлекательной в этой неге дневного забытия, когда она, подложив сложенный шарф под голову отстранилась от реальности.

Огромный тигр в клетку «бёрбери». «Какой кошмар» – подумала Юлия во сне. Как часто бывает в дневной дремоте, когда человек понимает, что он спит, увиденное имеет характер развлечения, сравнимый с театром или цирком, где спящий является режиссёром всего представления. Сознание в такой момент может вмешаться, управляя ходом сна и его героями. Лицо женщины отразило улыбку! Это снаружи, а внутри Юля только что силой мысли сменила окраску животного из английской бежевой клетки, слишком распространённой в мире, чтобы считать её до сих пор английской, на не менее известный логотип из шашечек и букв, указыва-

ющий когда-то на принадлежность к французским чемоданам. Затем тигр стал коровой. А затем маленькой сумкой в виде коровы.

– Вульгарно– пробормотала Юлия, оставаясь во сне. Сумка исчезла, а она оказалась рядом с женщиной. Лысый. Очень высокий. Он гулял по пляжу с собакой, казался непропорционально сложенным, с красивым лицом. Когда она присмотрелась, он оказался намного ниже и полнее. Но лицо оставалось добрым и благородным. Она подумала, что это Роман, просто не похож на себя, но мужчина заговорил. Интонация, голос. Всё было новым. Незнакомец.

Сон исчезал. Действительность была неприятна. Сначала она пыталась понять, где она. Что это за автобус? Куда она едет? Затем, словно костяшки домино, падая мыслью на мысль, сознание очень быстро, практически мгновенно вернуло её в реальность. С болью от предательства, с неуверенностью даже в сегодняшнем дне.

Особенных ожиданий от места, в которое они ехали у Юлии, не было. Дом князя? Барона? Графа? Руины, возможно отреставрированный особняк, со стульями вдоль стен, картинами в овальных рамах, на которых изображены, как правило, счастливые хозяева с красными щеками в напудренных париках и столь же несчастные женщины, с белыми лицами, и уставшими от переживаний глазами. Она недавно думала об этом. О тех временах, когда женские переживания были не об изменах мужей. Когда они были о множе-

стве рождённых детей и о их слабой способности прижиться в мире, где длинный список болезней стоял напротив столь же длинного списка мальчиков и девочек. Милосердие, проникавшее в гены следующих и следующих поколений, похоже, возникало в этих таблицах смерти, и передалось по женской линии.

– Это не замок, – произнёс невысокий мужчина, когда все вышли из автобуса. Это была его первая фраза за всю поездку, услышанная Юлией. Он вышел первым и подавал руку спускавшимся. Его интересовала только одна рука, но для вида он был галантен и двумя другими девушками, не взирая на наличие пары у одной из них.

Двухэтажный дом в стиле русского модерна начала 20 века. Правильнее сказать на пике этого стиля. Фасад блистал восстановленной керамикой. Цветы, в большинстве маки, были главной темой наружного декора, подчиняя своему образу пластику линий, фактуру и материалы. Их можно было найти и в кованной ограде, и в майолике каминной трубы. Всюду.

– Сто. Ровно сто маков. Когда реставрировали дом нашли девяносто девять, – начала свою экскурсию девушка. Это была стандартная фраза, вызывающая интерес после утомительной дороги. Она всегда работала.

– Вы сказали нашли на один меньше. Девяносто девять? – клюнула на уловку Юлия.

– Прикольно, да? Столько задумано князем. Сотый до-

бавили сегодняшние владельцы. Если вам интересно самим найти его... Так! Считаю конкурсом. С меня приз. Вы ещё влюбитесь в это место. Статистика, – с обречённостью на счастье крестьянки, выходящей замуж за дворянина, высказалась девушка.

Но маков оказалось несравнимо больше.

– Очаровательное место, – оправдывая поднявшееся настроение, сказала лысому человеку Юлия.

Трёхэтажное здание было наполнено смесью современных дизайнерских вещей, винтажом и антиквариатом. Эkleктика – скажет знающий человек. Сколько раз отсутствие вкуса или сумбур в желаниях названы этим неплохим словом? Но, не в этом случае. Дом был жилым. Несколько раз в месяц хозяева открывали его двери для случайных гостей, разрешая им заглянуть в их личное пространство. Предметы, способные хоть как-то помочь идентифицировать владельцев: фотографии, призы и дипломы с конкурсов, книги с закладками, вещи из входного гардероба убирались в отдельную комнату. Практически весь дом, кроме спальни с санузлом и этой комнаты-чулана оставалось в распоряжении чужих людей.

Но главным украшением места был не наполненный со вкусом дом, в который мало кто попадал, а сад. Ради него, получившего множество заслуженных международных наград, автобусы с туристами преодолевали многочасовые расстояния, и в конце концов довольные бухгалтеря, менедже-

ры, чиновники, военные с женами и подругами и другие люди со всевозможными профессиями, имеющие выходной день, или решившиеся потратить отпуск на внутренний туризм, возмущаясь выкладывали две тысячи рублей за вход, чтобы в конце концов уехать с сотнями фотографий в телефоне. На этих фотографиях на переднем плане были они сами. Улыбающиеся. На мгновение, ради этой позитивной мимики оставившие проблемы, любовь, склоки или зависть. В новой одежде и обуви, с причёсками залитыми лаком. С мыслями об обратной дороге и ужине. На множестве фотографий стояли жены и мужья, мужья и любовницы, дети и пенсионеры. А на заднем плане был плод образования, таланта и двадцатилетней работы. Прекрасный ландшафт с аллеями из клёнов, зелёными лабиринтами, и вдруг из неоткуда вспыхивающими на пути розами и жасмином, ирисами и сиренью. Уставшие от красоты садились на мраморные лавочки, заполняли ротонды, спускались к пруду и вытягивали свои тела на идеальных газонах. А за водой, покрытой кувшинками, начиналось самое главное представление, данное творческим союзом человека и Бога – красное поле. Десятки тысяч маков с прозрачными как костяной фарфор лепестками сливались в шифоновую накидку, наброшенную на зелень их стеблей. Такая безусловная красота случалось всего на полторы-две недели в июне. Точной даты не было, но знающие экскурсоводы, созванивались с персоналом и старались не упустить именно это время.

– Это тест, – тихо, обращаясь скорее к себе, сказал Семён.

– Что? – переспросила Юлия.

– Тест, – нехотя, стесняясь сказанного, повторил лысый полноватый мужчина. – Глядя на вот это... Люди делятся. Можно разделить на два типа.

– Нужные и не нужные?

– Да. В моей версии – понявшие и не понявшие. Но это очень близко к вашей.

– Как вас зовут? Извините выскочило. Мы знакомились вначале все. Но... Так всегда, когда в начале...

– Бывает... Семён Андреевич. Извините, – Семён.

– Меня – Юлия.

– Я помню...

– Это видно.

– Заметно? Да?

– Заметно.

Ветер волнами наклонял часть цветов, заставляя их светиться мягким красным цветом. Лучи невысокого в этих местах солнца, преломленные в нежных лепестках, оставляли нежно-алые следы на сетчатках глаз и в памяти. Стоя лицом к этой красоте, люди делились на две категории. Тех, кто хотел остаться в этом моменте навсегда, и тех, кому ещё предстояло жить.

Возвращение в отель было мукой. Заставить себя спать было сложно. Там, среди красивых вещей, среди маков была какая-то надежда. Глядя на чужие достижения, ей каза-

лось, что собственные не так далеко. Но какая ужасная подмена – этот приятный, некрасивый человек. Вместо её мужа. Сильного, решительного, доброго. «Нет, слабого! Разве это не слабость? Эта молодая девица. Ева!» – мысли не выстраивались в ряд. Только одно было неизменно – предательство. Вокруг этой аксиомы теперь рассматривалось её прошлое и строилось её будущее. Но какая ужасная подмена! «Нет, нет! Даже не надейся» – сказала Юлия себе, почувствовав на своих плечах взгляд Семёна.

Не дожидаясь приезда, при первой устойчивой связи на дороге она отправила сообщение Дмитрию – их... её водителю, с просьбой забрать её как можно быстрее.

Глава 3

Глава 3. Ева

Она постучала в дверь. Громче, барабаня. Ещё громче.

У двери номера «1651» стояла Ева и дежурный менеджер отеля. За торцевым окном коридора высотного здания была глубокая ночь. Отель, хоть был и не новым, поддерживался в хорошем состоянии и соответствовал своим пяти звёздам. Мягкий ковролин под ногами сдерживал шум проходящих постояльцев, впитывая в себя звуковые волны их шагов, и даже справлялся с громким стуком в дверь, забирая часть дробы ударов женских кулаков по деревянной двери.

– Не стучите так, пожалуйста, – вежливо и чуть жеманно попросил работник отеля. Он действительно переживал за сон своих гостей. И действительно считал постояльцев своими гостями на время его ночного дежурства. Это было сложно – найти человека, искренне верящего в принципы большой компании. И для отдела персонала отеля, входящего в большую международную группу, такие люди, как Григорий были победой.

– А как? Покажите! Давайте откроем, может он уже из окна выпрыгнул! Вы же можете своей карточкой.

– Мне бы уже позвонила охрана, если бы нашли тело! Мы как раз над козырьком. Извините!

– Или вены!

– Мы отключили воду в номере. Кровь свернётся.

– Шутите? Вы шутите?! – с недоумением переспросила Ева и снова энергично, не собираясь делать это тише, застучала в дверь, добавляя без такта удары тонким носиком своих туфелек, и не переживая за сохранность дорогой обуви.

– Открывай, слышишь!

Ева хорошо знала Георгия. Георгий хорошо знал Еву и человека в чью дверь они ломались среди ночи. Роман был желанным гостем в отеле. Открыв внутреннюю программу, легко было посчитать какое количество денег он принёс отелю за время своего бурного романа, пока строители возились с квартирой для Евы. Большой люкс с двумя комнатами, двумя санузлами, холодильником для вина, выкупался месяц за месяцем. Никого кроме них! Шелковое бельё, при каждой встрече букет, спорящий по величине с букетом в лобби. И щедрые чаевые. Ева снимала квартиру на Плющихе, а этот номер был местом их свиданий. Роман умел ухаживать, что тут скажешь...

Неделю назад он вернулся в отель со щенком на руках. Опустошённый, совершенно пьяный. Заплатил за неделю. Животные не допускались в отель, но с молчаливого согласия генерального менеджера на утреннем собрании, персонал закрыл глаза на это противоречие. Романа любили в отеле. Щенка он выгуливал как правило ночью, наматывая с ним километры по набережным столицы. Ближе к утру он опустошал мини-бар. Так длилось уже неделю.

– Проваливай! Я люблю жену! – неожиданно раздался громкий голос из-за двери.

– Вот видите, всё в порядке – он жив. Пожалуйста, нам нужно уходить. Ева, я прошу Вас! Гости спят, завтра утром будет пару «комплейнов». Там через дверь очень строгая иностранка, она всегда жалуется. На всё! Пожалуйста! Мы и так не замечаем собаку. Будут неприятности!

– Дике? Щенок с ним?

– Да. Очень милый! А теперь давайте пойдём. Вы обязательно помиритесь. Как только ему станет легче... В этом плане... понимаете? Понимаете?

– Ну...

– Я позвоню вам сразу.

Ева ушла. Ей очень хотелось попасть в этот номер. Обнять мужчину, потрепать за уши щенка. Ей очень этого хотелось. «Не время! Мы будем счастливы. Как в этом отеле. Каждый раз, как в этом номере» – это была её мысль, когда лифт закрыл двери на шестнадцатом этаже, бесшумно унося её на этаж лобби.

Роман сидел на полу, облокотившись спиной о входную дверь. Карманы белоснежного халата отвисали от миниатюрных разноцветных бутылочек.

– Говно, это ваша Риоха, – сказал он подслушанную фразу, ставшую за эту неделю его жизненным девизом. И не смотря, скрутив на ощупь алюминиевую крышку выпил махом сорок миллилитров алкоголя, констатировав, – Бурбон!

Тело мужчины чуть сползло, и приняло позу срединную между сидением и возлежанием. Рука полезла в карман за следующей порцией, а Дики, получив возможность, соответствующую его щенячьему размеру, вскочил на грудь хозяина и с усердием прошелся языком по его лицу, выскивая соль на человеческих щеках.

Синяя Мазерати летела по ночной Москве, явно нарушая множество правил. За рулём была двадцатидвухлетняя девушка. Ева. Это было не имя, данное ей родителями. В её паспорте, рядом с фотографией (на которой ей шестнадцать и с которой её нынешний анфас не сильно различался) было напечатано – Евгения Евгеньевна Серебрякова. Мать и отчим звали её Женя. Отец, в честь которого её и назвали погиб на пожаре, спасая свою беременную жену. Так говорили. Это было в Твери. Там Женя выросла в любви и заботе, сохранив со своими родителями доверительные и добрые отношения. Это было – то редкое счастье умных и хороших людей, сумевших передать свои гены и понимание хорошего и плохого следующему поколению. Хромосомы её не кровного отца передавались с забитой и любовью, хотя наука может попытаться опровергнуть такой способ наследственности.

Но представления родителей о будущем ребёнка нарушились с переездом Жени в Москву. На третьем курсе неожиданно случился академический отпуск, а Евгения стала Евой. Тонкое тело и странное, скорее красивое, чем некрасивое лицо стали притягивать взгляды. Принципы, какая-никакая,

но образованность и странная для такой внешности бескорыстность (не мешающая принимать подарки) повадились притягивать мужские судьбы.

Первый автомобиль в её жизни возник из-за угла. С бантом и смс-кой: «Она твоя». Имелось в виду – БМВ. Не божесть что. Троечка-купе в самой простой комплектации. Купе, она быстро разбила, а парня так же быстро бросила. Но от этого неудачного романа была двойная польза. Во-первых, Ева полюбила синий цвет автомобилей, а во-вторых, она поняла, что никогда больше не будет жить с тем, кого не любит.

Можно продолжить этот список, предваряющий её нынешнее состояние – состояние девушки с расплывчатым от слёз фокусом взгляда, ведущей спортивную машину по ночному городу на скорости опасной, как для водителя, так и для окружающих. Она перебирала в голове марки и имена: «Форд – Саша». Ева улыбнулась. Форд был компромиссом. Он был чёрный и не новый. Саша был молодым силовиком (он не был конкретен в этом вопросе), сразу же переписавшим на неё свою машину. Короткий и яркий роман. Они остались друзьями. Машину она вернула, и даже была на свадьбе и крестинах. «Голубая Ауди – Ян». Тут вспоминать особо нечего, кроме того, что это был первый «семейный» в её жизни. Но он был богат, и у Евы появилась привычка покупать вещи в ЦУМе. Ещё несколько флиртов и мини-романов без машин, и вот она летит по «Ленинградке» на тёмно-синем Мазератти. «Роман-роман. Роман с Романом; Ромен с

романом; Два романа для Романа и для Евы; Роман-роман; «Это был не скучный роман»» – голова переполнялась сумбуром.

– Только о тебе вспоминала, не поверишь. До этого... До того, как они остановили.

– Ты пила?

– Нет. Быстро ехала. Ну, ну и на красный.

– И по встрече! – добавил громко стоящий рядом полицейский к телефонному разговору, так чтобы его комментарий было слышно абоненту на той стой стороне провода... Извините, на той стороне радиоволн.

– Хорошо, – сказала Ева и отнесла телефон от уха, – Поговорите? Это мой близкий знакомый, – обратилась она к полицейскому.

Лейтенант неохотно взял телефон из рук Евы и отойдя в сторону, проговорил несколько минут с незнакомым ему человеком. Его тело чуть выпрямилось. Едва уловимое движение, но Ева его зафиксировала и порадовалась за Сашу. «Похоже он становится важным человеком. Или работает рядом с важными людьми».

– У вас хорошие знакомые... Машину оставим здесь. Завтра заберёте. А мы отвезём Вас домой... В таком состоянии Вам нужно... Вам... домой.

Лейтенант вернул телефон. Его простое, красноватое лицо засветилось надеждой продвижения по службе. Этого не знала Ева, но знал лейтенант Архипенко и её бывший парень

Саша, который никогда не был конкретен в вопросе своей специальности и места работы, но всегда был коротко стрижен, подтянут и гладко выбрит. И похоже до сих пор очень тепло относился к этой девушке на синем Мазерати.

– Мазерати! Ты растёшь. У тебя всё в порядке? – продолжил Саша разговор с Евой по телефону.

– Это всё ерунда. Ерунда! Машины, квартиры.

– Я знаю, поэтому и помогаю. Ну всё, мне пора – Димка капризничает, сейчас весь дом разбудит.

– Спасибо.

– Спокойной ночи.

– И тебе!

Маячки с рваным ритмом освещали синем цветом опустевшее к четырём утра Садовое кольцо. Это был единственный промежуток времени, когда оно казалось свободным. Через час чётко очерченные полосы снова начнут набухать потоком машин. Первыми откроют день всевозможные малолитражные грузовички с незатёртыми корейскими и китайским иероглифами на дверях, спешащие с тем, что ещё час или два назад закладывали в их фургоны на ночных подмосковных складах, уже давно работающих круглосуточно. Товары, в большинстве своём запакованные в пластик, от йогуртов и картриджей электронных сигарет, до надувных плавательных кругов-лебедей и свежей клубники разойдутся по павильонам, ларькам и мини-магазинам первых этажей типовых панельных зданий. Здесь, среди этих магазинов, с

переполненными личным автотранспортом дворами, за пластиковыми окнами, в стандартных квартирах, на кроватях и раскладывающихся диванах сейчас досматривала последние сны основная часть населения Москвы.

Затем появятся такси – символ надежды на лучшую жизнь. В них как правило едут два человека. У обоих есть желание жить лучше. Тот, который за рулём, мечтает жениться и жить лучше у себя на родине. Поэтому он собирает деньги на свадьбу, проводя в этой жёлтой юрте на колёсах большую часть своего дня. Второй человек, научившийся садиться в такси на заднее сидение, мечтает переехать ближе к центру, чтобы не тратить полтора часа на дорогу к офису или не выезжать в такую рань. Такси становится больше и больше. А пассажиры в них младше и младше. К 9-10 часам десятки тысяч из обеспеченных студентов, официантов и барменов, которые не в состоянии с головной болью ехать в час пик в метро, продавцов бутиков брендовой одежды, флористов, да всех, кому кажется, что копить деньги в молодости – дурная привычка, нажмут на смартфоне кнопку «подтвердить» и жёлтые седаны и хетчбеки заспешат по их адресам.

К полудню и уже до ночи «Садовое» превратится в неплохо организованное движение сотни тысяч машин, где сложно найти алгоритмы и зависимость в целях поездки их водителей и пассажиров. Большинство из них не задумываются, зачем они едут и есть ли в этом массовом психозе перемещения хоть малейшая польза для общества.

А пока Ева, сидела на заднем сидении полицейской Шкоды и складывала план действий по примирению с Романом. Её недвижимое лицо было повёрнуто к тонированному окну, за которым вспыхивали отблески маячков. В витринах магазинов, в лаке кузовов попутных машин, в лужах вымытых тротуаров.

Она поступила честно, но не милосердно в этой борьбе за счастье. Небольшое сообщение и несколько фотографий. Точный и нужный разрез скальпеля по судьбе нескольких человек. «Дальше всем будет легче. Легче! Жить нужно только будущим» – решила она и больше ни о чём не глобальном не думала этой ночью.

Глава 4

Глава 4. Дорога

– Юленьки нет в городе, – ответила Ирина Павловна, когда во дворе клубного дома ей встретился небритый, мужчина со щенком на поводке. Она не сразу поняла, что это её работодатель. Осознав, с плохо скрываемым интересом она рассматривала выглядевшего помятым мужчину, платившего последние три года ей высокую зарплату.

– А Макс?

– Макс уехал. К Настасье Петровне в Ленинград. Каникулы. Юлия Борисовна... – продолжила диалог женщина, замаявшись, – Она просила, если Вы придёте, просила Вас, попросить мне... Вас... Не заходить в дом. В квартиру. Мы не стали менять замки, и коды, Она, Юленька, сказала, что в этом... В этом вам можно доверять, в этом Вы честный человек. Извините...

– Лучше не скажешь, да?

– Все вещи соберут и отвезут на склад. Компании специальные, всё аккуратно, с фотографиями. В коробках и чехлах. Они уже приехали. Я как ним... Помогать.

– Помогать «что»? Отбирать? Где «Юленьки», а где моё?

– Да. А Вы завели собаку? Какая это порода? – перевела из неловкой плоскости разговор Ирина Павловна.

Женская солидарность. Роман недолюбливал эту женщи-

ну, называвшую себя гувернанткой их десятилетнего сына. «Макс даже не привык к ней за три года – хороший показатель понимания людей» – подумал он.

– Это Лабрадор. Я хотел подарить Максу. Он родственник собаки президента.

– Надо же! Макс у бабушки. Он уехал.

– Да, вы говорили. Там будет... Это единственная вещь, которая мне важна... Фотография, где мы в Венеции. Она на полароиде.

Ирина Павловна не знала, что такое «Полароид» и странно улыбнулась.

– Не важно! Бросьте по старой дружбе её в мою коробку. А лучше, принесите её сейчас.

Женщина, не со зла, нет, – в знак женской солидарности, сделала вид, что это выше её сил. Роману пришлось изменить тон и вежливую форму общения.

– Я могу это сделать сам. Вы сказали, я честный? Я могу быть нечестным. Вы знаете!

– Нет, нет! Я сейчас принесу. Я знаю о чём речь. У Макса аллергия на шерсть, – посмотрев на Дике объявила диагноз женщина, словно только что провела консилиум. Это звучало так, как будто вдобавок должны были последовать слова: «Вы бы знали, если бы чаще были дома, а не таскались со шлюхами». Но они остались не произнесёнными вслух.

– Это фото мы сделали... она сказала, что беременна. Максом, – достав из кармана пиджака небольшое квадрат-

ное фото, сказал Роман и протянул его человеку, сидящему напротив.

Ранее утро. Ресторан был полон. Это не выглядело странно для столицы. Завтраки, бизнес-завтраки стали ритуалом и символом ритма этого города. Начатые во времена стихийных парковок, как единственная возможность встретится с партнёрами, не тратя полдня на перемещение, они остались традицией в Москве.

В столице навели порядок. Сотни новых станций метро,двигающиеся с минутной точностью автобусы, заоблачная стоимость парковки в центре. Две стони тысяч таксистов, перемещающие два миллиона горожан по их надобностям. Эти надобности всем остальным гражданам страны справедливо казались праздными. Кроме хлеба, эстакад, зданий и тоннелей, найти товар, произведённый в Москве, было сложно. Двадцатимиллионная столица производила и обслуживало только одно – управление оставшейся страной. Но управление было ей к лицу. Гранитно-чистому, скоростному, ухоженному, вызывающему восторг у всё новых прибывающих жителей. Временных, и прижившихся.

Напротив Романа сидел Борис Семёнович. Человек с обычным, не примечательным лицом. На вид ему было около семидесяти лет. На мешковатом теле хорошо сидел мешковатый костюм. В нём всё было старомодно и казалось увядающим. Но значок на лацкане, охранник сидевший неподалёку и тон общения – деловой, отеческий и строгий, гово-

рили о деятельном и властном человеке, не собирающимся остаток жизни проводить на даче. Пусть даже это дача будет в Ницце.

– Тебе нужно отдохнуть, Рома. Такие дела выбивают лютого, у кого есть что-то в душе.

– Я норм, Борис Семёнович. Норм.

– Внешне.

Роман действительно сильно отличался от себя вчерашнего. Он провёл день в бане. Переехал в другой отель, где главным его требованием было убрать мини-бар. Ответил на срочные письма по работе, подтвердил график встреч на неделю. Сейчас он был лощёным, выбритым «огурцом» с опустошёнными, усталыми глазами.

– Внешне, – повторил его собеседник, и после долгого и неприятного для Романа немого взгляда, добавил, – Мы собираемся прикупить земли на юге, на полуострове. Ты поедь, поедь. Присмотрись. Что? Как? Наведи справки. Поговори с кем надо. Есть связи, но пока... Давай сами. Без губернаторов.

– Под ЖК?

– Посмотрим... Там люди не простые. И дела не простые. У моря что-то. Подумай сам. Я тебе доверяю. Может отель или комплекс. А может, может перепродадим потом. Рано или поздно там уладится. Нужны активы. Отвлечёшься. Сейчас время думать вперёд, пока неразбериха эта. Возьми билет, кредитку, барышню свою захвати. А это... – Борис Се-

мёнович аккуратно держал в руке потерявший яркость снимок с двумя счастливыми лицами на фоне перспектив старинного города, – Это... Я её хорошо знаю. Она тебя не простит. С детства такая.

– А Вы?

– А что я? Это их дела. Девичьи. Живы все, да и ладно. Мне не до этого. Я и сам... Какой с меня отец? Или дед? Макса год почти не видел... Слетай, присмотришь.

– Хорошо. Я на машине. Развеюсь дорогой. Пару дней – дела подчищу с винторговой. И с проектом.

– Обратно не спиши. Отдохни. Пока пауза, думаю на месяц. Ещё нет подтверждения от главного. На охоту съездить. Туда-сюда. С людьми. Одобрение дадут, начнём сносить. Отдохни. Потом много работы будет. Ты наши глаза там. Я... этих знаю. Начнут «овшорить». Бери билет и лети. Хочешь сам, хочешь с девчонкой своей. Мне всё равно.

– Я на машине, – повторил Роман.

– Ну, так на машине. Что тут у них? Нужно позавтракать. – День длинный, – сказал пожилой человек и оглянулся в поисках официанта.

– Блинчики с икрой. Чёрной. И чай. Чёрный. Только скажи, чтобы блины свежие, не разогревали. Борису Семёновичу, скажи. Они знают. Не пойму ты девочка или мальчик? Не обижайся, вы сейчас все одинаковые.

– Девочка, – ответила официантка.

– Ну вот и неси, милая. Неси. А ему...

– Мне только кофе. Капучино на соевом, – добавил Роман.

– Может быть свежий сок? Гранат? Апельсин?

– Нет. Капучино и воду без газа.

Когда официантка отошла Борис Семёнович высказался со вздохом:

– Живешь, жизнь прожил, старался строить. Для страны. И для себя – чего тут таить. У них синие волосы! Что думаешь? Что будет с людьми, если у них сейчас синие волосы? Когда станут старше. Кому всё это? Что мы строим. Кому станции атомные? Канализация?

– Справятся, Борис Семёнович. Я панком был в её возрасте. Волосы лаком и пластилином ставил. А сейчас вот поеду землю искать под стройку. А вы в восемнадцать?

– У меня Рома отдельная судьба. Даже сейчас не могу с тобой откровенничать. А так, да... ребята патлы отпускали. А я из тех, кто им их срезал. Вот так. – обернувшись в сторону ушедшей официантки он добавил шутя, – Хоть бы розовые. Мальчики – синие, девочки – розовые. Так понятнее.

Каждый, в этом, разорванном на время, любовном треугольнике искал ответы в прошлом, но в конце концов начинал планировать будущее.

Большой, устрашающий внедорожник с множеством букв на двери багажника, как планки орденов, развешанных по чёрному полированному кузову, стоял на захолустной заправке далеко на юг от Москвы. Красные луны тормозов позировали сквозь узкие спицы титановых дисков, привлекая

взгляды зевак и камеры подростков на любой стоянке. Тонкие как блин шины не соответствовали главному предназначению этого автомобиля – передвигаться вне дорог. Салон был пуст. Хозяин автомобиля хотел бы видеть в нём людей... но салон был пуст. Только рыжий щенок на переднем сидении, которого чуть укачало за полторы тысячи километров постоянных разгонов и торможений. Романа раздражала медлительность на дороге. Но это качество нашего героя мы знаем, а он не сильно успел измениться с того дня, когда остался в жизни только с этим новым другом на переднем сидении его мерседеса. Разбитый «дачниками» лексус та и не успели починить. Но с машинами у Романа не было недостатка.

– Капучино.

Он хотел сказать «На соевом», но не стал... Кассир, – эта немолодая женщина, подрабатывавшая на пенсии, этот народный суд с редкими белыми волосами, накрученными на бигуди, заглянула через плечо Романа и бросила свой оценивающий взгляд в сторону одиноко стоящего автомобиля.

– Один. Один кофе, – уловив её немой, бьющий свинцом в сердце вопрос, ответил грустный, уставший от дороги мужчина. И как бы в оправдание своего холостяцкого положения, он спросил есть ли корм для собак. Хотя корма для Дике было приобретено в избытке.

– Те! Какой породы? – поинтересовалась женщина.

– Лабрадор. Ещё щенок.

– Да Вы шо? Таж каки? Таки... Такой малЕнький? Как у дамочек в торбах?

– Как у Путина, – решив закрыть вопрос, ответил Роман.

– Овчарка, пади?

Через минуту женщина держала на руках взбудораженного новыми запахами Дике. С каждым напряженным вздохом его нос всасывал всё новые, не знакомые его юному сознанию запахи. Колбаса с чесноком, коты, прокисший борщ на рукаве не стиранной уже неделю куртке униформы, сырость погреба с проросшей прошлогодней картошкой, запах подгузников. Меньше чем за минуту, пёс мог бы знать всё о жизни этой женщины, приятно треплющей его уши. Но он был двухмесячным щенком, не способным делать выводы на основе дедуктивного метода. Он ничего не мог понять из этих легко уловимых его носом, человеческих запахов.

Но это было и не нужно. Женщина сама щедро делилась своим жизненной ситуацией с его хозяином, и её было сложно остановить:

– Для собак ничегошеньки не привозят. Прошу и прошу! Может купите шо? Те! Вы, человек солидный. Видно, сразу таких видать – полный бак. И чек не нужен. Хозяин жизни. Женат пади?

– Женат, – улыбнувшись простоте и бесцеремонности, с которой эта провинциалка влезла в его жизнь, ответил Роман.

– А то! Открой очи! Смотри какой! Не для себя спраши-

ваю. Племяшка у меня. Крестница. И двадцати нет. Краса. Таких поискать. Правда с ребёночком, но какая она помеха. Считай внучка мне. Был один. Вот и меняем памперсы. Те! Детки не помеха, коли жить хочется. Вот посмотри, ты такую и в Москве бось не видел.

Роман смотрел на чужое лицо. Очень красивое лицо на экране чужого телефона.

– Шо! Аж прилип. Говорила!?! А то бросай свою жонку. Бось не двадцать лет ей, а? А? Ну ладно, ладно мил мой, ладно мил! То шучу. Скучна мне тута. А план делать надо. Может купишь шо? Пойдём, пойдём. Благодарить будешь. Навезут дряни всякой! А корма для ребёнка и нет. Держи, – передав Дике в руки хозяина, сказала кассирша.

Придорожная осока сгибала стебли, словно кланяясь вслед пролетавшему на огромной скорости мерседесу. Трасса давно закончилась и не доезжая Краснодара маршрут сменил курс с юга – на юго-восток. Только степи и станицы расчерченные квадратами шоссе местного значения. У Романа складывалось впечатление что он едет по школьной тетради в клетку. В зеркале заднего вида оставалась узкая лента дороги. Куры, дети на велосипедах и бегущие за каждой машиной дворовые псы, вышедшие на пыльные обочины посоревноваться в громкости лая.

Не так много для него. Бывало, он выкатывал почти сутки без остановки. Но тогда он был счастлив, а счастье, как известно вырабатывает серотонин, даря организму неограни-

ченные возможности. Кофе не спасал, но водитель и не думал снижать темп, доверяя инстинкту самосохранения. Путь был далёк от монотонного движения – нескончаемые круговые движения и перекрёстки, солнце высоко. Но челюстные мышцы предательски сводило бесконечной зевотой. Роман опустил стёкла, и кожа его лица приняла на себя горячий поток ветра. Появились запахи, до этого бесстрастно сдерживаемые фильтрами дорогого автомобиля. Они казались приглушёнными, как и лай собак, как и скрежет цикад – спутниц южных дорог. Мозг, экономя остатки энергии развёл мысли на нужные и не нужные. В нужных почему-то оказался образ племянницы женщины с заправки. В ненужных – сохранность собственной жизни. Возможно жизни, в которой нет, того, что как оказалось, так дорого ему. В очередной раз, сомкнув веки всего на секунду, он вернулся в реальность от гудка летящей на встречу фуры, гружёной щебнем. Ближайший путь к спасению был левее. Мерседес пролетел по обочине мимо двух десятков тон тягача и его груза, способных сплющить любой джип до такой степени, что свободного места в нём не хватило бы даже этому рыжему щенку.

Грузовик остановился... как и мерседес. Вокруг был безлюдный участок шоссе, поджатый с обеих сторон сочно-зелёной, набирающей силу кукурузой. Худощавый, в коротких штанишках, которые нельзя было назвать ни шортами, ни брюками, с загоревшей уже к июню до черноты левой рукой, водитель фуры спрыгнул со ступенек. Среди ещё не осевшей

пыли, шаркая резиновыми тапочками он дошёл до джипа, въехавшего носом в кукурузу.

– Ты как? – по-свойски, не обращая внимания на разницу в достатке или положении, даже скорее с тем видом превосходства, которое на дороге заложено в размере транспортного средства, спросил водитель грузовика Романа. Нужды стучать в тонированное стекло двери не было, оно было опущено.

Роман молчал. Его глаза были закрыты. Не прошло и недели, а уже второй раз он ощущал, что остался жив.

– Жив, и ладненько. Мораль читать не буду. Будет первая церковь – свечку поставь! «Николаю чудотворцу», — сказал мужчина, глянув на щенка на соседнем с водителем сидении и поторопился к своему рабочему месту.

Тягач громко выпустил сжатый воздух, вздрогнул и медленно тронулся. Чувствовалось, как тяжело мощной машине даётся разгон. Удивительно, но у чёрного мерседеса, въехавшего в поле, лошадиных сил, было не меньше, чем у этого труженика дорог. Зачем ему столько – не знали ни Роман, ни инженеры, спроектировавшие двигатель «Гелендвагена», ни даже продавцы автосалонов, получавшие хороший процент от продажи подобных авто. Виноватых в подобном расточительстве энергии общества уже искали в этой стране, но как показало время – безрезультатно. Всё вернулось на свои места. Понадобилось меньше века.

Роман завел мотор. Несмотря на явно шоссейный протек-

тор шин, джип без труда выбрался обратно на асфальт. Не проехав и километра, он спустился к полосе придорожных акаций, сменивших к этому моменту кукурузу у края дороги. Волнение ушло. Сердце наладило ритм и монотонно продолжало толкать кровь.

– Поживём... поживём, – прошептал Роман, поглаживая Дике, – Это... Это неспроста так, не просто. Давай. Поспим и поедем.

Свеча не загоралась. Поначалу подводила зажигалка. Сговорившись с чертями, она только искрила кремнием, не давая пламени.

— Это же ваше! Ваша территория – огонь, – сказал громко и вслух Роман среди церкви, и догадавшись продолжил, – Это сон! Сон! Я сплю.

Подошла Ева и подала ему спички. «Нет!» – подумал Роман. «Лишь бы они не зажглись! Отсырели! Только не Ева!». Но сил отказать девушке не было, и пришлось взять коробок в руки. Он провёл почему-то синюю серную головку по шершавой поверхности тёрки... К его безумной радости, огня не возникло. И коробок, и спичка, и его лицо неожиданно покрылись спасительной прозрачной слизью, не дающей разжечь огонь.

– Дике! – вскрикнул Роман то ли ещё во сне, то ли уже осознавая реальность.

Мягкий и тёплый язык щенка без разбора проходил по всему свободному от одежды телу хозяина. Пёс был голоден.

Но немного зная собак, нужно признать, что с большей вероятностью случился акт любви и связи. Собака выбрала себе друга. На всю жизнь.

Через какое-то время, простояв с минуту у первой попавшейся на дороге церквушки, Роман продолжил путь. Он так и не решился войти. Часть его, не умевшая благодарить, смотрящая свысока на судьбу, способная спорить с Богом, победила. Улыбнувшись, потрепав своего питомца между ушей он сказал:

– Я буду чуть медленнее, но большего пусть они не просят!

«Дай здравия матери, Наташке, Володе и внукам. И сашкиным, и Сашке, и жонке. И пусть Данила не хворает. Пусть выздоровеет и будет... пусть здравствует. Дай ему Боже здоровенька. Сколька ж можно ребятёнку мучаться. И спасибо. Господи тебе! Спасибо шо даёшь на хлеб, спасибо, шо хранишь меня и мою машину. И святому твоему Николаю, который хранит водителей – спасибо. Спасибо вам, шо спасли меня, и мою машину. И этого человека. Пусть его тоже хранит. И пусть, раз такое дело, и ему удача. Раз свела нас судьба и остались живы» – Сергей Павлович Котомаренко, дочитал свою простую молитву, включавшую просьбы к Богу и благодарности. Как большинство заходящих в церковь, восхвалять Бога он не умел, и не чувствовал, что в этом есть необходимость. Свои же житейские надобности он только что мысленно зачитал, веря в то, что мир слишком сложен,

чтобы существовать без высшей силы. И поскольку люди, жившие до нас – «не дураки» и смогли придумать и построить его тягач, телефоны и самолёты, то и церкви они расставили не просто так.

Пользоваться зажигалкой или спичками в церкви не было необходимости. Сергей Павлович, проживший в этом мире уже шестьдесят один год придвинул фитиль свечи к пламени одной из десятка горящих, зажжённых такими же просящими, как и он. Затем, растопил нижнюю часть свечи и вставил её в латунную втулку, ещё раз прочитав про себя просьбы и благодарности к Богу. Не забыв и в этот раз о Романе, чьего имени он не знал. Но разве Богу есть дело до подобной канцелярии?

Глава 5

Глава 5. Море

Точка, отмеченная в навигаторе, являлась небольшой, безвкусно обставленной виллой. До сделки она была на балансе виноторговой компании. Чуть поторговавшись, Тимур Соломонович, зная реальное состояние объекта, уступил здание и арендованный участок земли под ним, чуть ниже рыночной стоимости. Если и было, то что можно назвать «активом» в этом месте, – то это приличный бассейн с видом на море, окружённый кипарисами. Он был достаточно длин для серьёзного плавания, он был глубок, и он был пуст. Роману понадобилась две недели, чтобы найти более или менее понимающих людей и привести его в порядок.

На разочарование новым местом ушло не больше двадцати минут. Ведя переговоры с бывшим владельцем, сложно было представлять здесь что-то другое, кроме золоченных стульев, трёхъярусных потолков из гипсокартона и диванов с коричневой кожаной обивкой. Но искать гостиницу не хотелось. Да и мест вокруг, отличающихся по духу от этой виллы, было всего два. Одно слишком большое. Второе, чересчур новое и пафосное, чтобы Роман мог оставаться в той степени рефлексии, которая давала ему возможность мечтать всё устроить и восстановить в своей семье.

К его приезду дом был убран клининговой компанией.

Можно было придраться, к цветному постельному белью, к запаху в пустом холодильнике, к отсутствию интернета. Но как в любом пространстве у моря, в любой стране, люди населяющие курортные зоны имели специфический вкус, который правильно было бы назвать – отсутствием вкуса. Все помыслы о порядке и красоте приехавших или переехавших с севера на юг разбивались о неспешное ведение дел местными жителями, попросту говоря – об их лень. Исключений не было ни на Лазурном берегу, ни в Португалии, ни в Риоде-Жанейро. Ни здесь, на юге России, в Крыму, где последние представления о балансе архитектуры, истории и ландшафта были в головах людей более века назад. Но те люди (как правило дворянских кровей) помимо богатств, обладали образованием и вкусом.

– Вы будете убирать каждый день? – спросил Роман пышную девушку с длинной косой, когда она складывала свой несложный инвентарь в небольшой салон нового отечественного автомобиля.

– У меня расписано на две недели вперёд. Договорённость – этот дом. Я и так... Да! Два дня угробила. Сказали – за день. Какое! Где там, пусть попробуют! Здесь сколько не жили? Одни окна! Окна чего... А кухня. Жир и жир. Не, я за такие деньги сюда не ногой. Да тута полтыщи квадратов! И гулять будете! С компанией. Такое! Такие компании знаю. Одних бутылок по сто штук выносить. И туалеты, извините... Потом...

– А сколько Вам заплатило агентство?

– Ну, мои деньги. Чего их считать!

– Я скажу сколько я заплатил агентству. Наверняка есть разница. Тридцать тысяч. Я буду вам платить эту сумму раз в неделю, а Вы два раза в неделю убирать в доме. Кроме меня здесь никого не будет.

– Семь тысяч! А вы им тридцать? Хороши ребяташки!

– Мне нужно белое постельное бельё. Лучшее. Удвойте его стоимость, это будут ваши комиссионные. Откуда вы родом, извините как Вас зовут?

– Кристина. Из Харькова. В десятом переехали, с родителями. И остались уже. Когда всё поменялось.

Роман умел вести дела и умел очаровывать людей. Это был его главный козырь в бизнесе. Чиновник, грузчик, глава банка. Каждый чувствовал себя нужным и важным этому человеку, обладавшему искренней улыбкой и нестигаемой волей. Превосходство замещалось интересом, робость – симпатией, а враждебность превращалась в нейтралитет.

– Вот – на постельное бельё и за следящую уборку, – постоялец уже отсчитывал красные купюры.

– Но... график, – скорее думая, как его изменить, ответила Кристина.

– Я позвоню. Всё в этой жизни решается. Всё! Сколько здесь до моря?

– По тропинке вниз, то пешком... Минут двадцать. Через скалу. Там есть проход. А по дороге, на машине – десять,

если на переезде не встать.

– Значит по тропинке. А море? Тёплое?

– Я не купаюсь. Сегодня тем более! Штормить будет. Вы поосторожней!

– Уже боитесь потерять клиента?

– Да, – с шутливым тоном ответила Кристина.

Тропинка вела вниз, то огибая выступ скалы, то накатывая на неё, ведя пешехода по опасному карнизу. Местами безжизненная и голая среди камней, местами утопающая в зелени. У самой воды скалы сходились, образуя небольшую арку, пройдя узкий проём которой открывалась незначительная полоска песка перед морем. Упускать возможность окунуть тело, да и душу в морскую гладь, Роман не собирался. Но Кристина была права – ветер усиливался, затягивая, словно тяжёлыми шторами летнее южное небо.

Глади уже не было. Волны, ещё не пенистые, но массивные, тёмные и медленные, а от того устрашающие, накатывались на волнорез, почти полностью погружая его короткий язык под воду. Лишь несколько камней, те, которые лежали на самом верху, оставались сухими. Это был впечатляющий контраст. Мокрое – становилось темнее, а не тронутые морем валуны, до рези в глазах отражали редкие лучи солнца, прорезающие бреши в облаках.

«Трёх смертям не бывать» – искажённая, предыдущими событиями мысль Суворова впиалась в голову Романа. Оставшуюся часть фразы он проговорил тихим голосом, стесняясь

говорить с самим собой громко:

– А одной не миновать!

Мужчина, среднего роста, с развитой мускулатурой, шатен с пробивающейся сединой, без видимых татуировок. Множество ран и ссадин. На вид сорок – сорок пять лет. Таким могло быть описание выброшенного на берег тела в отчёте полицейского патруля. Но Роман боролся. Поначалу со странным, в первый раз возникшим в нём желанием отдать судьбу – судьбе, а затем, почувствовав соперника в природе, он соревновался со стихией. И чем выше поднимались волны, тем хладнокровнее становились мысли и движения пловца.

У этой схватки был свидетель. Со своими мотивами довериться проведению. Кристина стояла на смотровой площадке, примыкающей к горной дороге. С неё было хорошо видно, как внизу, напротив скал, пловец сопротивляется шторму. Высота не позволяла рассмотреть лица этого человека, но она чувствовала... она не допускала вариантов, что это кто-то другой. Это он. Странный. Богатый. Красивый. Приятельно-сильный. Ветер налетал порывами, и девушка сама подвергалась опасности, стоя на краю огороженной площадки. Она нависала на проржавевших, выдавших виды перилах, стараясь увидеть фигурку человека в воде. То появляющуюся, то исчезающую в черноте волн, расчерченных полосами бело-голубых пенящихся гребней.

С момента, когда Роман прыгнул в холодную воду, про-

шло не более получаса. Поначалу, он проплыл под водой почти двадцать метров и вынырнув вдали от опасной полосы острой породы скал, какое-то время он наслаждался покачиванием на волнах. Но всё изменилось в промежуток не более пяти минут. Очередная волна подняла его на гребень и бросила вниз – в толщу воды, оглушив массой, ударившей сверху. С очерёдностью в семь – восемь относительно небольших волн, появлялся новый гигант, сопротивляться которому организм любого человека был не в состоянии. Очередное опрокидывание вытягивало из пловца физические силы, приближая тот момент, когда человек осознает, что проиграл в схватке с водой... и в скованности мыслей и чувств становится, тем кого в народе называют утопленниками.

Скалы и камни тянулись влево и вправо не менее чем, на полкилометра. Тонкая полоса пляжа и тропинка, по которой Роман спустился к морю, сейчас являлись иголочным ушком – в спасении человека более опасным, чем сама вода. Единственным способом не разбиться об острую твердь породы, было движение в сторону. Но с каждой новой волной-гигантом расстояние до скал сокращалось. И каждый раз, когда человек пропадал, Кристина теряла дыхание. Так ей казалось, поскольку, её молодая грудь переставала двигаться, под странной тяжестью. И каждый раз, когда девушка замирала, Роман набрав полные лёгкие солёного влажного воздуха подныривал на несколько метров и ритмичными плавными движениями направлял свое тело под водой от берега под

углом влево.

Девушка уловила в этой последовательности исчезновения и смещения в сторону ритм борьбы. И когда сфера обзора не позволяла ей более сопровождать взглядом судьбу пловца, единственной возможностью ему помочь она посчитала – веру в его спасение. Укрывшись от ветра и начавшегося дождя в своём небольшом автомобиле, она ввела в навигатор координаты самого крупного торгового центра, где она надеялась купить новое белое постельное бельё. Выдав страх из груди, она на мгновение позволила заменить его пленительной и дурманящей мечтой... Представлением. Но лишь на мгновение.

Нужно было согреться. Отлежавшись на мокром песке, собрав силы спасшийся человек направился вверх по гранитной лестнице. Дождь прошёл, но вода всё ещё спускалась потоком по глубоким сточным каналам, по ступенькам, по дерну земли между тропических деревьев, окружавших лестницу. Вода несла к морю улики человеческой деятельности. И обычно, чем проще были курортные поселения на этом пути, тем больше мусора спускалось сверху вниз, одаривая море подношениями.

Несмотря на всю серьёзность происшедшего, положение Романа было водевильным. Он был гол. Это он понял, когда, пройдя с минуту вверх по лестнице, полез по привычке в карман плавательных шорт. Похоже шторм сорвал с него единственную одежду, в которой он вошёл в воду. Часы, те-

лефон, и ключи от виллы остались на берегу.

Конец гранитной лестницы, построенной в девятнадцатом веке, упирался в мраморную беседку с колоннами. Но, на этом «высокое» заканчивалось. Впереди возвышалось здание санатория, пристроенного к старому, разбитому временем, особняку. Понятное желание вместить на ограниченной прибрежной территории, как можно больше отдыхающих. Это варварское преобразование случилось даже не в советские времена, а два десятилетия назад, когда вошедшие в моду серые металлические фасады и панорамные пластиковые окна с придыханием владельцев, и со скотским безразличием к прекрасному местных архитекторов, были скопированы с турецких курортов, и вдавлены в пейзажи северного побережья Чёрного моря. Это здание не было исключением. Закатанное же в асфальт пространство вокруг уцелевшей ротонды заполняли бесчисленные ларьки и палатки, торгующие тем, что рано или поздно несли штормовые потоки воды вниз к морю, в виде отходов человеческого отдыха.

Роман появился на этом мини рынке без одежды. Продавцов не было – шторм остановил торговлю. Ларьки были закрыты на замки и защелки, а плотный полиэтилен шатров укрывал прилавки от дождя. Несоответствие и дисбаланс. Голый мужчина и тысячи шорт, футболок, плавок и сланцев перед ним. Момент стоил удивления и выкриков: «Что же ты паскуда нудистская делаешь?». Но продавцы пили чай и кофей в ближайшем кафе и не заметили экспроприации.

Роман позволил себе претензии к дизайну и чуть поковырявшись натянул на себя стандартный набор туриста. Белые шорты–плавки, голубую футболку и голубые сланцы. «А что, Динамо бежит?» – «Все бегут!»

Поднявшись и выйдя на шоссе, мужчина, ничем не отличавшийся от тысяч других, по крайней мере – внешне, направился вправо и спустя полтора часа нашел свою виллу. Погода быстро дала «заднюю» и уже в порозовевших лучах готовящегося к заходу солнца Роман снова спустился вниз к месту начала своего сегодняшнего авантюризма. Что же –ключи были на месте. А телефон забрало море. Не самое большое подношение судьбе за это сладкое ощущение жизни, вдруг проснувшееся в нашем герое.

Глава 6

Глава 6. Москва

– Здравствуйте.

– Проходите, садитесь. Чай? Кофе?

– Нет, спасибо. Сюда? – Юлия посмотрела на красивое кресло, стоявшее у стола.

– Где удобно. Можете сесть на диван. Или прилечь. Или в кресло. Важно чтобы Вы чувствовали комфорт. Себя комфортно.

– Ну на диван.

– Пожалуйста. Как вы обо мне узнали?

– Подруга. Она просила не говорить. О ней. Она у Вас лечилась.

– Я не лечу, я помогаю разобраться.

– Да, да! Понимаю! Я знаю! У меня был психолог. Но уехал, сейчас в Штатах.

– Я Валерий.

– А отчество?

– Михайлович. Вам удобно с отчеством?

– Мне всё равно, я просто спросила.

– Устроились?

Юлия попыталась найти удобное положение, прижав своё исхудавшее тело к спинке дивана. Обитый бархатом розо-

во-оливкового цвета, он был приятен при касании, но слишком мягок и глубок. Собственная поза показалась ей неестественной при разговоре с незнакомым человеком. Женщина заёрзала, и в результате понемногу сместилась к краю сидения. Устроилась ли она? Да устроилась. Но ей плохо! Ей откровенно плохо в эти дни в Москве. Как может быть по-другому? Как? И этот вопрос она вынуждена задавать чужому человеку, который будет делать вид, что ему важно! Важно ей помочь Ему – плевать. Им всем – плевать! У них собственные жизни, в которых есть счастье и близкие люди. Или нет. Но причём здесь она?

– Да, вроде бы – да, – ответила Юлия, отбросив ненужные мысли.

– Давайте знакомиться! Меня зовут Как меня, Вы знаете Мне нужно ваше имя. Можете выдумать, если хотите остаться инкогнито. Почему Вы решили Возобновить общение с психологом?

– Юлия. Это настоящее имя. Всё просто Валерий. Банально просто. Мне изменил мой муж, которого я считала идеальным и честным... Я, я Выгнала. И теперь мне очень плохо. Пло-хо.

– А что, что плохо?

– Что? Хм. Чертовски плохо, что я его люблю.

– У вас есть дети? Совместные.

– Макс. Ему десять.

– Это хорошо. Ребёнок – это половина от каждого. Мы

к этому вернёмся. Хочу попросить рассказать всё с самого начала. Всю вашу совместную жизнь. С самого начала.

– Со знакомства?

– Да. Всё, что помните, день за днём, каждый год. Время у нас есть. Не спешите.

– Я не понимаю Извините Вы стараетесь, хотите. Вы. Мне помочь его простить?! Или забыть?

– Простить и забыть. Это идеальный вариант, и мы к нему придём, как бы грустно это ни звучало.

– Грустно?

– Да Это ампутация. Я сделаю что-то вроде аборта. То есть удалю живое и сделаю это мёртвым. Пока это не запрещено – убивать любовь. Думаете, пафосным, пафосно? Но это Вы сказали о любви, не имея никаких доказательств её существования. Иногда мне кажется, что подобные вещи нужно запретить. Я о своей профессии.

– У вас странный

– Методика?

– Подход, да.

– Не обычный. Но действенный. По моей статистике.

– Да, Жанна говорила Извините.

– Ну не переживайте – была не одна Жанна за последние годы. Расскажите мне всю свою жизнь. Все чувства, эмоции. Даты. И после решите, что делать со своей любовью.

– Что делать? Резать! Вырезать! Для этого рассказывать двадцать лет жизни? Это больно!

– Это нужно мне, чтобы Вам помочь. Хотите вина?

– Вина? – удивилась Юля.

– Вы не за рулём?

– Нет.

– У меня есть Пьемонт. Это полезно и расслабляет. Не настаиваю. В последнее время увлёкся. Себе точно налью. Хожу на всякие дегустации. Довольно интересно.

Мужчина достал из шкафчика бокал и выбрал из небольшого винного холодильника бутылку вина.

– Она открыта вчера. Но день ему даже на пользу. Это неббиоло. Местный сорт в Пьемонте. Дурацкое сравнение, но есть Такое – стальной кулак в бархатной перчатке. Это о сорте Рассказывайте Я готов слушать.

– Да, налейте и мне этот стальной кулак в бархатных. Смешно.

Ей становилось легче. Будут рецидивы, но они уже не так страшны. Врач, если этого человека можно было назвать врачом, лишь направлял её рассказ. Даты, поступки, подарки, отпуска и командировки. Детский сад. Всё, всё что можно было вспомнить. Он попросил не заглядывать в альбомы и переписки. Потом можно будет сверить. Проверить, что память утаивает от сознания. А сейчас лишь вспоминать. Шаг за шагом. И все эти три сеанса по три часа, она говорила о Романах с нежностью и теплом. Так что же? Эти девять часов воспоминаний и одна СМС-ка? Они на весах? Да!

Как врач, множество раз студентом, стоявший у безжизненных человеческих тел в морге, как врач, объясняющий различия между стадиями рака, как врач с острым пинцетом, стучащий по эмали ноющего зуба Как хладнокровный врач, Валерий Михайлович положил на весы счастливое прошлое и несчастное будущее.

Юле становилось легче. Она смогла оценить, что потеряла и не зачеркнуть прошлое, а оставить его тёплым, добрым и нетронутым, ровно до того момента во времени, когда открыла сообщение от Евы.

Теперь можно жить. Можно строить. Нужно поменять квартиру. Эта Это жилище видело обоих Романов. Того – идеально, любимого. И этого, способного спать с двумя женщинами, прижимаясь к их коже. Юля вспомнила о своей встрече в загородном отеле.

Анна Фёдоровна возвращалась из клиники затерянной в лесах Твери. Настроение было паршивое, но она умела удерживаться на той грани, которая позволяла не скатываться в отчаяние и вырабатывать нужное количество действенной злости.

Дела действительно шли паршиво. Деньги заканчивались. Месяц – два. Реальных сделок, способных поправить финансовое положение не предвиделось. Несколько аренд. Пустяки – на хлеб, вино. Да и те – не в ресторанах. А если в ресторанах, то не в тех! «Сволочь!» – это мысль имела конкрет-

ного адресата. Её сына.

– Сволочь, – повторила она мысль в слух, сидя за рулём своего мерседеса. – Сволочь! Сволочь! Сволочь! Сволочь.

Стало чуть легче. Но помимо верных слов, нужно было найти тысяч триста – четыреста на клинику и ещё минимум сотни две – «всё уладить». Ничего серьёзного. Но об этом, очередном эпизоде в жизни сына, хотелось максимально позаботиться сейчас. Забелить, засыпать опилками, затереть ластиком до дыр. Как её сорокалетний сын будет жить дальше она не хотела думать. Лет десять у неё и у него есть.

Музыка в салоне притихла, уступив вещание телефонному звонку. Анна Фёдоровна перевела взгляд на экран телефона.

– Господи! Спасибо Господь. Спасибо! Ты есть!

Что же и палач просит Бога избавить его от ревматизма. И благодарит за выздоровление. На экране высвечивалось – «Юленька». Старый проверенный способ – мило записать в справочник будущих одураченных. Нужно только случайно их набрать, в их же присутствии. «Сейчас пауза! Выдержать паузу. Перезвонить минут через пять – семь».

Мерседес ускорился. словно шпора, впившаяся в кожу живота лошади, педаль газа, вдавленная чуть глубже к полу, подбодрила смесью воздуха и бензина двигатель седана, и он понёс водителя в Москву. В Москву!

– Алло, Юленька!

Этот город поражает возможностями. Москва. Смотри на тысячи и тысячи дорогих автомобилей, красивых людей в её ресторанах, букеты цветов, рикш-доставщиков, ухоженные парки и растущие вверх архитектурные мысли, кажется – нет вариантов проиграть в этой жизни. Она будет проходить здесь! Так же красиво как у них. Они Я не хуже. Нужно больше раздеться, или смешнее одеться. Или найти идею. Нужно начинать с подписчиков! С подписчиков! Это мысли нового поколения. Предыдущие, как правило, думают не о последователях, а о реальных связях.

Подруги встретились в ресторане. Анна Фёдоровна выглядела моложе своего возраста. Непроходящая мысль о возможности заработать выбрасывала в кровь новые и новые гормоны счастья. В таком случае говорят, что человек расцвёл. В меру строгая одежда, нелепый акцент – над которым можно вместе посмеяться, что сделает отношения ещё ближе. Подобная встреча готовилась ей не в первый раз. Она не проходила курсы психологии, не читала книг о шпионах. Её возможности были врождёнными, а опыт приобретённым лично.

– У вас есть вот такое? – Юлия показала сомелье фото бутылки, сделанное на прошлой встрече в отеле.

– Да. Только миллезим более свежий. Двадцатый. Но, он будет интереснее, чем семнадцатый.

– Сколько стоит? – спросила Анна Фёдоровна, экономя деньги новой подруги.

– Не важно! Не говорите, – это не имеет значения. Это приятное, и даже не обременение – опередила ответ сомелье, Юлия.

– Ну раз так – с приятной улыбкой вздохнула Анна Фёдоровна. – Я понимаю, что тебя привели ко мне дела, но, но, если это срочность Давай сегодня не будем про дела. Поболтаем.

– Мне нужно поменять жильё. Это всё на сегодня. Согласна. Вы Ты очень хорошо выглядишь Но

– Но? – улыбаясь, переспросила Анна Фёдоровна.

– Нет Извини. Нет.

– Я знаю! Знаю! Ты о шарфе! Я знаю. Он дурацкий? Да?

– Да, прости

– Я знаю. Но у него есть история. Я специально его надела сегодня.

– Тогда я готова слушать. Что закажем? В два курса?

– Ты похудела с прошлой встречи. Нет аппетита?

Юля промычала отрицание, и продолжила свою часть диалога уже четкими звуками:

– Представь, – я была у психолога. Хотя бы стала. До него совсем ни-ни. Не хотелось.

– Бывает. Бывает. Знаю. У меня такое, когда с Димкой очередная переделка.

Официант принял заказ. Ресторан наполнился людьми. Новый, как все рестораны в Москве. Найти в этом городе ресторан старше пяти лет не сложно, но всё же, основная

их масса живёт короткий срок. Отмирая, сбрасывая юридические названия и ещё не успевшую постареть мебель, как эпителий кожи под мочалкой. Распродавая посуду, увольняя сотрудников. Но само место, как правило, остаётся ресторанным. Местом естественных и не необходимых желаний – если следовать философии Эпикура. А иногда и не естественных и не необходимых. «Точка» лишь меняет концепцию, втягивая новых и новых инвесторов, желающих приобщиться (по разным причинам) к этому миру.

Вкусная еда, возведённая гурманами, сибаритами и несостоявшимися писателями в культ. С собственным карманным иконостасом шефов и рестораторов. Вино, разбираться в котором стало модным. Хотя большинство сидящих в этом зале отличали оранж от шприц-апероля лишь по наличию трубочки. И желание секса. Романтическое клише из кино и книг – случайное знакомство, ресторан, постель, ожидание звонка на следующий день.

В этой безобидной игре есть свои шулеры, свои краплёные карты. И проигравшиеся. Последние – инвесторы, тратят на опыт явно не последние средства, а от того у москвичей выработалась привычка ходить в новые рестораны.

Справа от подруг, а после этой встречи, Юля будет считать Анну Фёдоровну таковой, за столом сидела девушка со стандартным набором красоты: тонкий нос, очерченные скулы, плотные, но не опухшие губы. Природные данные были вполне компетентно доработаны хирургом и спортзалом.

Лицо привлекало внимание многих окружающих своей красотой, и Юлия не исключение.

«Возможно это Ева. Она должна выглядеть как-то так! Он приходил в ресторан. Садился к ней. Смотрел на её красивое лицо. Волновался А потом ехал ко мне и ложился в кровать, прижимаясь к моей коже. После её кожи. Кожи». От этой мысли пропал аппетит и первое блюдо показалось пресным не продуманным – неудачным слепком знаменитой работы испанского шефа.

– У Капски это звучит лучше, – сказала Юлия, отломав вилкой от ярко-зеленой субстанции на тарелке очередной кусок и с демонстративно скучным лицом проглотив молекулы молекулярной кухни, уже выходящей из моды.

– Я была в стольких «мишленах» но не помню. Ни еды, ни шефов.

– Нормально. Какое-то время мы катались. Бронировали за полгода. С Ромой. Обсуждали, спорили. Было. Это, – Юля кивнула в сторону зеленого желе окружающего клешню краба, – Хорошо помню. И ресторан в Испании. Потом мы у него были на Филиппинах. Он там открыл и в Мексике. В Мехико не были. Планировали на следующий год! Куда не плюнешь всюду он!

– Кто?

– Муж.

– Не удивительно – вы столько вместе.

– Были. Я не могу понять, не могу. Хорошо, я приняла, –

нельзя зачёркивать счастливое прошлое. Но он всюду! Сейчас! Даже в этой тарелке с зелёным гав – Юлия бросила вилку на стол, словно кто-то подал ей её раскалённой. Гости за соседними столиками обернулись в её сторону, – Извини! Находит. Это из-за той молодой сучки. Мне всюду мерещится эта Ева. Имя хм Яблока не хватает. Так и представляю Она ему его протягивает, а он кусает И слюни. Слюни текут. Фу! Чёрт! Черт! Всё! Всё Фу – выдохнув и уже сбросив темп и накал своего монолога, досказала Юлия, вернув вилку в руки, – Фу Всё. Давай о тебе.

К девушке за соседним столом подошёл парень. Он был странно одет, впрочем, как многие в его годы во все времена. Его возраст не превышал двадцати пяти лет. Молодые люди нежно обнялись и продолжили свой вечер, полный влюблённости, надежд и планов. Факт, что не всё продаётся, а парень не выглядел богачом, придал Юле сил продолжить ужин с подругой. Настроение немного улучшилось и второй курс показался ей вкусным, оригинальным и достойным своей стоимости.

– Так что с шарфом? Эти грибы Нет это даже красиво, наверное. Но не с твоим костюмом.

– Я проиграла пари. И теперь вынуждена его надевать в любой ресторан. Полгода. Осталось до конца этого месяца.

– Но в прошлый раз

– Он был. Ты не обратила внимания. Была блуза. Они похожи по цвету. Ты не заметила.

– Это обязательно?

– Нет, конечно, нет. Ты поймёшь. Я думаю У моего сына есть зависимость. Ну

Лицо Юли выразило слово, которое вслух не хотела говорить Анна Фёдоровна.

– Да И мы держали пари. Если он выдержит определённый срок, то я буду надевать его дурацкий шарф с мухоморами в каждый ресторан, полгода.

– А сколько должен был? Тоже полгода? Ну продержаться.

– Две недели и даже перевыполнил. Ещё два дня Вот ношу

Это история была правдой. Только случилась она почти десять лет назад. И тогда речь шла о жёлтой кепке. Но суть осталась прежней. Её сын – Артём, был наркоманом. И как любая мать, Анна Фёдоровна готова была бы прийти хоть голой в этот проклятый ресторан ради недели спокойствия и закрывшейся в эту неделю веры, что всё исправится. И если учесть, что цель встречи была – заработок на лечение сына, то лжи в этой выдумке было не много.

На фоне такой откровенности, пощёчиной ударившей Юлю по её собственным семейным делам, теперь казавшимся мелкими и не стоящими суицидных мыслей и планов мести, она окончательно поправилась, и её исхудавшее тело потребовало калорий. Женщины заказали десерт. Затем кофе. Затем граппу.

В двери ресторана входили новые и новые гости. Голодные сменяли сытых. Трезвые пьяных. Приветливые хостес

усаживали мужчин и женщин на места, где несколько минут назад сидели другие люди, незнакомые им. Вряд ли они когда-нибудь увидятся или поговорят. Если не случай. И даже тогда, в одной кровати или за дымным мангалом на даче или в офисе, они не будут знать, что сидели одновременно на одном стуле, который пропускал через себя их энергию. Нагревался от их тел. Отражал и гасил звуковые волны их разговоров. Впитывал в свою обивку молекулы их запахов и капли пота с их ладоней. Толкал легкие или грузные тела в противоположную сторону притяжению земли.

Сотни людей сидят на одном стуле, за одним столом и только время разделяет их в пространстве.

Время. С первой встречи новых подруг прошло две недели. За этот несущественный промежуток человеческой жизни квартира Юлии преобразовалась. Вначале приехали дизайнеры. Прибыв к полудню, они исчезли лишь к позднему вечеру. В странных балахонистых одеждах, непонятных и не принимаемых женщиной, чья молодость прошла в подражании Клаудии Шифер. «По «Патрикам» ходят с голыми сиськами, а эти прячут всё! И стройные ноги и «колодки». Зачем? В постели всё встанет на свои места» – подумала Юля, глядя на девушку без признаков пола. С ноутбуками и лазерными линейками. В головных уборах, которые почему-то не снимали, они казались ей инопланетянами, занявшими её пространство, явно планируя отсюда напасть на челове-

ство.

Затем появились строители и пришлось переехать в загородный дом. За «старшую», как всегда, осталась Ирина Павловна, оберегавшая от «варваров» остатки реликтов распавшейся семьи. Вложив четыре с половиной миллиона, квартира подорожала на десять – двенадцать. Так сказала Анна Фёдоровна, а она была опытным риелтором. Но главное, увидев обновлённое пространство, свежее, неожиданно интересное и не похожее на то, в котором проходила их жизнь, у Юлии появилось спокойствие и желание отпустить в прошлое часть своей жизни. Теперь осталось выбрать новый дом.

– Они готовы забрать за девяносто. Без нашего мини-ремонта было бы максимум восемьдесят. Ты что-то выбрала из того, что я предлагала?

Большая часть семейной жизни Юли проходила в квартире. У них был большой, можно сказать огромный загородный дом, в пределах часа от МКАДа, но его использовали на длинные праздники, иногда в выходные и обычно весь август, когда путешествовать по каникулярной Европе стоило нервов даже обеспеченным людям. Но Макс ходил в хорошую школу в центре Москвы и речи о том, что он будет добираться на учёбу два часа, даже не могло вестись. За лето нужно было найти квартиру, обставить её и переехать. А это серьёзная затея для одинокой женщины.

– Нет. Я занята бумагами. По разводу. Всю неделю с ад-

вокатом.

– Тогда съездим вместе. Если по времени совпадет, то сделаем по схеме обмена, она чуть сложнее продажи и покупки, но сможем выиграть миллион-два. А они всегда пригодятся.

– Я найду куда деть два миллиона. Спасибо тебе. Не знаю как бы я сама.

– Потом ещё скажешь. Пока ничего не сделано.

– А это? – с благодарностью указала Юля на обновлённую сияющую квартиру.

– Считай для себя. Я всё же работаю за процент.

– Да, на мне ты немного заработаешь, – не имея никого подвоха в мыслях, отшутилась Юля.

Бумаги по разводу были готовы. Квартира оставалась за Юлей и Максом. Дом решено было продать, разделив выручку на две части. «Решено» через адвокатов, конечно. Написать сообщение мужу, а уж тем более позвонить ему было выше её сил. Официальные счета, машины Всё делилось согласно закону, без торговли и ненужных препирательств.

– Как Вы считаете, у вашего мужа есть имущество, помимо заявленного в этих документах, – спросил адвокат Юлию на второй встрече.

– Я не понимаю

– Мы будем истцами. Причина вашего развода – супружеская неверность. С большой вероятностью По моему опыту Иногда, иногда можно обнаружить недвижимую нажитую

совместно, но каким-либо образом переведённую на третье лицо.

– Вы о его любовнице? Я не собираюсь! Это его проблемы, если он ей там что-то. Одарил. У меня обеспеченная семья, я не нуждалась и не Но зарабатывал в семье мужчина. Давайте оставим этот вопрос.

– Опять же, по опыту. Вначале все эмоциональны и благородны, но через полгода люди требуют Понимаете? Новые семьи, новые желания. Эмоции и чувства проходят По опыту я эти занимаю

– Оставьте свой опыт себе! Даже припрятанная квартира Вы не понимаете! Не понимаете? Это жизнь! Она конечно Вы пьёте, ходите Куда вы там ходите? Я не знаю куда такие как Вы? Может Извините Но Это означает – всё зря. Всё! Причём здесь квартира. А? Извините, Вы, наверное, не поймёте. Психолог и адвокат. Хм. Один говорит забудь, прими, прости. Оставь хорошее. А этот, – Вы. Вы говорите – там говно в твоём прошлом, но надо в нём поковыряться и найти квартиру Или может квартиры, машины, бриллианты. Бриллианты покупал молодым девицам. Или мне ещё у неё айфон забрать? Извините

Глава 7

Глава 7. Звонки в дверь

По прошествии двух недель, Роман начал понимать и чувствовать массу воды, колыхающуюся безмерной энергией волн. Море теплело. Каждое утро он брал Дике и спускался к собственному пляжу – лежавшей за щелью в скале, полоске песка, на которой с трудом бы разместилась многолетняя семья. Трёхмесячный щенок пытался спасти человека, каждый раз, когда его друг, прыгнув в воду, не появлялся на поверхности более полуминуты. Эти попытки помочь сводились к лишь к громкому лаю тонким щенячьим голосом. Прыгать в море Дике не решался. Предпоследний в помёте, он был робок, даже трусоват. Но современное человеческое общество давно нуждается отнюдь не в первородных инстинктах потомков шакалов. В чём – в чём, а в перегрызании глоток друг другу уже тысячи лет люди справлялись сами. А вот доброта и преданность – стали качествами, чаще ассоциирующимися с собаками, чем с человеком. Наверное, оттого количество собачников растёт, компенсируя перекоп в балансе преданности и безразличия.

Но настал момент, когда Дике прыгнул в воду за человеком.

– Знаешь, мне кажется, за меня первый раз в жизни так переживают, – сжав пасть дрожащего щенка и поцеловав его

в нос, сказал его хозяин. – Разве может любовь принадлежать, мой друг? Когда, когда её с такой охотой отдают?

Дела шли неплохо – удалось найти несколько предложений от местных властей. Люди здесь были совсем не похожи на тех, к кому Роман привык в столице. Как и везде, в них была и алчность, и корысть и желание заработать. Но эти качества всё ещё покрывала пелена стыда, неловкости и такого старомодного слова, как «репутация», давно вышедшего из речевого оборота в Москве.

Время от времени Роман ужинал в небольших курортных кафе. Но большее количество вечеров за едой проходило в его доме. Когда-то он неплохо готовил, и сейчас обладая временем, практиковал свою кулинарную фантазию. Благо, у него был товарищ с растущим организмом, без разбора и претензий потребляющий удачные и не удачные опыты. Единственное, что отказывался делить Дике со своим хозяином, – это виски. Бутылка Hibiki, завалывшаяся в мерседесе была подаренной, или должна была быть подарена. В любом случае, – она пригодилась, но довольно быстро закончилась.

В понедельник четырнадцатого июня, вернувшись с очередной встречи, Роман держал в руках бутылку местного вина. Побаиваясь разочарования, он применил метод, всегда работающим с винами – купил в винном магазинчике самую дорогую бутылку. Помимо ароматов чистых полов и свежего белья, которые оставались, после каждого прихода Кристины, уже со входа, в потоках сквозняков пахло едой. Желудок,

отреагировал приятным спазмом, а Дике, проведший день вместе с человеком в его машине, взвыл и облизнулся.

– Кристина?! – воскликнул удивлённый Роман, обнаружив накрытый скатертью стол.

– Кафе и кафе. На местных шашлыках можно язву заработать.

– Я сам

– Знаю – перебила девушка, – Видела! Перебиваю после посудомойки сковороды и кастрюли. И-и-и. Это, да – продукты свежие в холодильнике. У других только пиццы лежат и всякое с ресторанов. Странно это, когда мужчина готовит. Да в вашем статусе. Это же без корысти.

– Слово-то какое, – Роман уселся за стол, играя в шутку роль хозяина, пришедшего с работы.

– Может и неправильное

– Почему? Правильное.

– Борщ. Это на завтра, а сегодня котлетки. И молодая картошечка. Здесь винегрет. Я пойду. А я следующий разок не буду Вас дожидаться. Оставляю к назначенному времени. Смс-ку сбросите, и всё тёпленькое–горяченькое. А меня и след простыл. Если с девушкой или как

– С девушкой То, с котлетками как-то слишком по-домашнему, Вам не кажется?

– Стерпит котлетки, как машину вашу чёрную большую увидит – стерпит котлетки, – с интонацией обиды ответила Кристина.

– А Вы не обижайтесь, – я люблю. И виногрет люблю и котлеты. Но раз так, – накрывайте на второго гостя!

– А кто гость?

– Вы.

– Ну, я так я, – ответила девушка, поправив волосы и неловко улыбнувшись.

В планах Романа не было даже флирта с этой симпатичной провинциалкой. Меньше всего ему хотелось обменять чистоту и порядок в доме на новый беспорядок в отношениях. Вспомнилась Ева. «Без корысти. Дике. Ева. Теперь вот она» – он искренне не понимал, чем он привлекал к себе людей, – «С собаками ясно, да и те»

Кристина быстро освоилась в роли домохозяйки. Она не претендовала быть хозяйкой жизни Романа, по крайней мере не признавалась в этом себе, но всё чаще и чаще, когда заставала мужчину в своих туманных мечтах, странным образом, силуэт, размытый непрозрачностью сознания, напоминал как раз хозяина Дике.

– Дике! Дике!

Щенок царапался в закрытую дверь калитки, подпрыгивая к ручке и радостно лая. Ему исполнилось четыре месяца и его голос стал крепче и ниже.

– Дике! Открой сам! А то твой хозяин, кажется, совсем не хочет меня впускать.

Роман проснулся. Кто-то трезвонил в ворота. В восемь утра он точно не собирался никого видеть. Из окна было вид-

но, как щенок носится у двери. Грудь сдавило. Он не раз замечал, как пёс реагирует на детей. Ведь это была собака для Макса. Макс? Юля? Сердце стучало, стучало, стучало. Оно и должно стучать! Нет, оно должно биться ритмично и долго. А с таким стуком, оно долго не протянет. Это сон! Роман зажмурился до боли в мышцах лица. Открыв глаза, он с облегчением выдохнул. Кровать была пуста. Точнее, половина огромной кровати была пуста.

– Спасибо, Господи! – вслух, не стесняясь благодарить, сказал он.

В несколько движений он надел лёгкие брюки и выглаженное поло. Оно висело среди всего его небольшого гардероба – с заботой, вручную постиранных и идеально выглаженных дорогих вещей Кристиной. Девушкой, которую он только что боялся увидеть в утренней постели среди помятых простыней. Кристина ушла рано утром, как делала это уже несколько раз за этот месяц, не оставляя следов пребывания в доме и в жизни нашего героя.

Звонок в дверь. Последний, до того момента, когда дверь будет открыта, и всё вернётся на свои места. Семья. Сын, с которым он так мало был. Женщина, его мечты, потерянная так нелепо. «Я продам долю, мы будем жить здесь, на море. Здесь. Всё это было нужно, просто чтобы осознать. Переехать».

Роман пролетел сквозь двор, мимо преломляющей свет утреннего солнца воды бассейна. Оно следит? Солнце? Нет!

Нет звезде по утрам нет дела до человеческих страстей. И вот дверь открыта. Первый фокус был на автомобиле. Тёмно-синий, прекрасный и сложный цвет взорвался в мозге Романа, заливая своей непрозрачной густотой мечтания, подводя черту реальности в этой дробности жизни.

– Кажется ты не рад. Или ты не один? – Сказала Ева, глядя на лицо Романа, – Дике, что с твоим другом? Кого он собирался увидеть?

Счастливый Дике был уже на руках девушки.

– Жену и сына, – ответил Роман.

– Это больно.

– Как есть Проходи. Почему не позвонила?

– Ты бы исчез.

– Как нашла адрес? Впрочем, не отвечай, ты умная девочка. Какая разница. Проходи. Я приготовлю завтрак и загоню машину.

– Отличный бассейн, я искупаюсь? – сказала Ева, сбросив босоножек и проведя большим пальцем по глади воды.

– Ты спрашиваешь, можно ли тебе искупаться или спрашиваешь, можно ли тебе остаться?

– Ты умный парень.

– Оставайся. Что с тобой поделаешь. Я размечтался

– Она не простит тебя. Извини, это нужно было сделать.

Ты сам понимаешь Измена, она, она, не когда узнают

– Хватит! Даже рад, что это ты. Мне сначала нужно поменять кое-что, прежде чем они вернутся.

– Так я останусь?

– Если хочешь.

Он загнал синюю Мазерати во двор. Теперь всё на своих местах. Две машины, как нельзя лучше характеризующие прошлую жизнь и отношения героев. Да и глядя со стороны на девушку, подтянувшую тонкими атлетичными руками из прозрачной бирюзовой воды бассейна своё стройное молодое тело и усевшейся на его край, чуть оттянув руки за спину, подставляя солнцу и солоноватому ветру свою оголённую грудь, глядя на такую картину, сложно было предположить, что перед нами семейная пара.

Сопrotивляться красоте было бессмысленно. Уже в вечер приезда Евы старые любовники разделили кровать, и утром проснулись вместе, как это случалось с ними много раз. Но в этой, перевёрстанной жизни, у каждого в этой паре было странное ощущение новизны в отношениях, в которых, возможно было сожаление, но не было вины И не было боязни думать о предстоящем дне.

Роман никогда не относился к этой девчонке серьёзно. Он мог любоваться её курносым, необычным, притягивающим взгляды, лицом. Мог считать, что вряд ли когда-либо в его жизни встречалась, и уж тем более встретится подобная идеальная женская статья. И даже усталый, не желающий ничего, кроме сна, он не мог сомкнуть веки, пока она не решала, что пора спать обоим. Но он никогда не был с ней ближе, чем позволяют человеческие тела.

– Что?

– Что «что»?

– Ты посмотрел мне в глаза.

– Посмотрел.

– Ты странно посмотрел. Так никогда не смотрел. Так.

– Не придумывай. Свари лучше кофе.

Чуть глубже. Старая избитая фраза – «заглянуть в глаза».

А если и правда – глубже. Пронзая роговицу, через стекло-видное тело к сетчатке. И дальше по нерву в мозг, к сознанию. Есть в этом проникновении больше, чем в любом другом. Да, мы можем ощутить тепло человека, – так устроены наши организмы. Но ожидала ли природа, что мы будем «входить» друг в друга взглядом. Доля секунды, и мужчина добрался до мыслей женщины, до её любви к нему. Как будто командир защищенного полуметровой бронёй танка, оставил открытым люк на башне. За долю секунды он узнал о Еве больше, чем за два года. Это знание Истина. Оно казалось слишком опасным и было отложено на дальнюю полку. Но самый секретный документ, лежащий в сверхсекретном архиве на дальней тёмной полке, имеет адрес. Ссылку в каталоге самых-самых секретных документов.

– Хорошо, как всегда, без сахара?

– Нет пол-ложки. Захотелось сладости.

– На тебя не похоже.

– Сам удивляюсь. Я никогда не замечал какие у тебя глаза.

В смысле, я знал цвет

– Какие?

– Не знаю. Ладно, ладно не воображай. Сегодня придёт Кристина. Ты прими её Вежливо. Она Немного

– Влюблена? Почему я не удивляюсь? – перебила Романа девушка.

– Не знаю, возможно, я позволил. Но

– Не переживай. Домработница – не жена

– Давай сегодня поужинаем в ресторане, Я напишу, чтобы не готовила. И не приходила убирать.

– Идеальное решение. Мне уже хочется её видеть.

– Увидишь.

Через два дня в ворота снова позвонили. Дике удивлял. Он превращался из щенка в пса. За дверью явно стоял чужой человек. Маленький лабрадор уселся напротив двери и рычал, изредка лая возмужавшим голосом.

– Черти! Кого там несёт? – не стесняясь выражать раздражение, поднявшись с кровати, проклял звонящего Роман. Звонок домофона был выведен во все комнаты, включая спальню, и безжалостно трезвонил, включённый на полную громкость.

Воскресные десять утра должны были защищать перебравшего вчера с алкоголем Романа. Ресторан, ночное купание в море, и долгий разговор с Евой. К часу ночи девушка уснула с раскрасневшимися от слёз веками. Он перенёс её в кровать, а сам сидел «до дна бутылки». На этот раз это был довольно простой, посредственный виски, приобретённый в

местном магазине. Но его неприятный вкус, как нельзя лучше подходил для самобичевания.

Роман с трудом оторвал голову от подушки. Евы рядом не было. Он встал скорее проверить присутствие девушки в доме, без всякого желания встречать неожиданных гостей в таком состоянии. Ева была на месте. Она мирно дремала на лежанке у бассейна совершенно обнажённая. Даже с головной болью, даже после всего того, что они наговорили вчера друг другу, мужчина остановился и несколько секунд продержал свой взгляд на её лице. Она спала. Лёгкой безмятежной дремотой, какая бывает на утреннем воздухе с пением птиц, стрёкотом цикад и шумом запутавшегося в пальмовых листьях ветра.

– Здравствуйте. Роман? – поздоровался мужчина.

– Да. Что нужно? – не церемонясь, осмотрев с ног до головы пришельца, ответил хозяин виллы.

– Я винодел. Пётр Желтокревич.

На пороге стоял мужчина, внешне – ровесник Романа. Он странно выглядел для этой местности. Широкие брюки модного кроя, гусарские усики, тонированная седина. И зачем-то шапочка, покрывавшая по-моряцки только макушку. Он молодился, но усталое лицо выдавало даже не возраст скорее бурную жизнь.

– Да. И что? Винодел Причём здесь я?

– Я вчера проезжал, вижу свет. Вечером, уже поздно было заходить

– А сегодня ещё рано Проходите, раз уж здесь. Вы всё рав-

но по делу, я надеюсь.

– А я Я вижу свет вчера И, э-э-э. Написал Тимуру Соломоновичу, звонить не стал. Поздно было Он сегодня ответил, что продал виллу. И что, скорее всего, – это новые хозяева, – проходя по алее из пальм в сторону дома, не откладывая, начал решать свои вопросы винодел. – Мы с Тимуром Соломоновичем давние партнёры. Он дистрибьютирует в Москве моё вино. И Питере. На юге я сам. На континенте.

Приближаясь к бассейну Желтокревич замолчал. И было из-за чего. Ева, услышав приближающийся мужской, чужой ей голос, даже и не подумала о стеснении. Скорее, переживая за незнакомца, она лениво-неспеша нащупала полотенце и не открывая глаз, не желая даже удостовериться в целомудренности покровы бросила махровую ткань ниже живота. Гость и Роман прошли мимо девушки. Хозяин дома шёл позади и с трудом сдерживал смех, видя нерешительность в поведении винодела. Последний метался между возможностью лицезреть прелести девушки и боязнью обидеть важного ему человека. В оправдание его, нужно сказать, он боролся с естественным мужским желанием. И хотя голова Петра так и не повернулась в сторону лежащей у его ног девушки, ужимки тела выдавали суету в его мыслях. Только сейчас Роман сложил в единое целое имя его подруги и её роль в его жизни. Смех, как тошнота подбирался к его горлу. Усадив гостя на веранде, он всё же не сдержался и от души засмеялся, поглядывая на покрасневшее лицо собеседника.

– Извините ради Бога. Извините. Теперь мне приходится просить прощения. Это Просто Вы так боялись посмотреть на Еву. А её зовут Ева. Вот Из-те Не-мгу Сейчас я приду в Сварю Вам ко ф.. Смех нахлестывал и нахлестывал на речь, коверкая его слова. Он с трудом остановился.

– Извините. Я сварю кофе? Будете?

– Да, – ответил уже побагровевший Желтокревич.

– Вы говорите, вы винодел?

– Да.

– У вас случайно нет в машине вина? Любого. Ни капли в доме, а организм требует. Лучше, конечно. Лучше всего – холодного шампанского, но где его взять здесь! Любая спиртосодержащая жидкость будет, как говорится, как говорят – «благоприятствовать» нашей беседе. Раз Вы здесь.

Это была удача. Удача. Не иначе. Пётр с облегчением выдохнул. Должен был, обязан был быть какой-то ключ к этой ситуации. Через несколько минут он вернулся с бутылкой в руках. На этот раз, пробегаясь дважды мимо Евы, он не стеснялся рассмотреть её фигуру и лицо.

– Это пет-нат. Я делаю и по классике, но в машине была как раз коробка «Баб Лес».

– Забавно, – разглядывая этикетку, ответил Роман.

– «Баблес». Ударение на «а». Это намёк на слово «баблс» – пузырьки по-английски. Сленговое слово, понимаете?

– Забавно – забавно.

– На этикетке как раз

– Нет, всё понятно. Вот – бабы, вот – лес. Примитивно. В хорошем смысле. Каламбур и двойной смысл. Сами?

– Это мои друзья. Агентство. Чудеса творят с рекламой и с визуалкой. Если вам понадобится. Хорошие ребята, прикольные. Но здесь моя идея.

– Почти холодная. Как всё совпало Да Ева! Ева! Если я пошлю тебя «лесом» ты будешь среди Будешь «баблес». Посмотри – смешно! – обратился к подошедшей девушке Роман и передал ей бутылку. – Это Ева, но вы её видели. А это Пётр. Он винодел. Спасает меня от похмелья. Пет-нат принёс.

– Здравствуйте. Пётр! – чуть смущённо представился Еве Желтокревич.

– Ева. Так что там с «бабами»? Это «умно», – сказала Ева, рассматривая этикетку. По её тону было не ясно одобряла она подобное творчество или это был сарказм.

– Это пет-нат. Важнее, что внутри. Н-е-е-т, этикетка тоже важна, – Желтокревич любил декламации, но ему всегда было необходимо освоиться перед выступлением, – Я делаю органические вина. От них не болит голова. Это тренд в мире. Органика и биодинамика. Здесь, в пет-натах всегда осадок, мы его не удаляем. Он даже полезен и для вина, оно не стареет быстро. Осадок сдерживает кислород. И для здоровья. Витамины, микроэлементы. Дедовский метод. Поэтому и пробка – «корона». Как пивная. Давление меньше и нет надобности перекупоривать. Он из кокура. Это автохтон.

Местный сорт, значит.

Слова и выражения на чуждом, загадочном далёкому от винного бизнеса обывателю, полились на очередных жертв очарования винодела.

– Да, мы знаем, что такое пет-нат, – сказала Ева, подходя к Роману со спины, и обвив его тонкими руками.

– А-а-а. Ладушки. Он не совсем-совсем холодный. Может вспениться, – Пётр забрал из рук Евы бутылку, и направил её горлышко в безопасное для всех направление. Через мгновение пена, как каша из горшка, полезла из откупоренной бутылки.

– Вы профессионал в этом, – заметила Ева.

– Есть опыт Не первая.

Пет-нат, хоть не холодным, но всё же исцеляющим потоком миновал вкусовые рецепторы языка и неба и пройдя не претендующий на своё мнение пищевод, наполнил желудок Романа. А дальше полувековой организм знал, что делать. Этанол достиг мозга, расслабив всё, что он мог расслабить в нём. Головная боль исчезла, от того у хозяина виллы сложился положительный рефлекс: Желтокревич – пет–нат – исцеление. Пётр опытным взглядом оценил свою временную фору в отношениях и не стал откладывать необходимость решения проблем, приведшую его сюда:

– Компания Тимура Соломоновича, я говорил. Дистрибьютор. И у нас не до конца выполнены обязательства. А поскольку теперь Вы владелец

– Я не владелец. Представитель, – перебил Роман, делая очередной глоток игристого.

– Да, понимаю, понимаю. Так вот, мы отгрузили вино. Полгода назад, но закрыли только одну накладную из трёх.

– Сколько?

– Небольшая сумма, – заискивающе, делая вид незначительности, ответил Пётр, – По меркам такой компании, но для меня Мы, мы маленькое хозяйство. Собственные виноградники

– Вы не умеете слушать. Сколько?

– Около трёх с половиной миллионов. Там, там два паллета.

– Считайте к вечеру ваши деньги Вам вернутся. Если всё, как Вы говорите.

– Спасибо! Поймите, неловко, требовать собственные деньги. Извините. Это труд. Никаких химикатов. Биодинамика. Слышали?

– Нет.

– Я знаю, – вмешалась Ева.

– Да. Да! Вы учились? – искал одобрение своего нахождения в этом месте Желтокревич в общении с девушкой.

– Да. В школе сомелье. В Москве.

– В какой? Меня часто приглашают читать лекции.

– Я не помню, как она называется. «Провино». Или Это было два года назад. Как-то так.

– «Превинум». Хорошая школа.

– Я бы Вас запомнила. С такой харизмой.

– Спасибо, – это Желтокревич хорошо усвоил ещё с курсов по психологии, – На комплементы нужно сдержанно отвечать: «спасибо», не открещиваясь от похвалы и не коронуясь с эго, как бы не сдавливал золотой обруч голову, – Я читаю лекции в «Жеробаме». Это двойной магнум, думаю, Вам говорили. Менее академично. Прикольно. Знания легче усваиваются.

Винодел суетился. Ему хотелось зацепиться за этот денежный мешок. Он был одним из первых, кто всё изменил здесь. Принёс современность в этот «совок». Но время догоняло. Время догнало. И он видел в зеркале заднего вида, как замигал поворотник перед обгоном. Молодые, не уставшие от борьбы с бюрократией и с неудачными урожаями. Новые инвесторы – в кедах и широких штанах. Не в тех широких, висящих, начала двухтысячных, пережитка СССР. Не в джинсах и белых рубашках с закатанными рукавами, десятых. Другие. Заработавшие, обогатившиеся на пустоте «цифры» и теперь вкладывающие в что-то существенное. Перестали спрашивать его мнение. Перестали звать на мероприятия. Изюм всех сил он молодился, красил волосы, придумывал новые этикетки, устраивал фестивали и ужины, кормил и поил блогеров. Но поворотник времени мигал и в любой момент, как только двойная сплошная прервётся он окажется позади. Сменить машину. Ему нужна, новая, современная. Построить ресторан на винодельне. Открыть СПА. Мало ли что ещё

можно сделать, имея инвестора.

– Да, нас учили. Но не приходилось из, как Вы сказали Жеробам? – переспросила

Ева, на мгновение ушедшего в мысли гостя.

– Жерабоам. В честь По именам древних царей. Я, честно не помню кто этот. Но у меня есть хорошая идея. Приезжайте ко мне. У меня есть и даже шестилитровая. Матусулем. Я приглашаю. Запечём козлёнка. Я позову соседей. Виноделов. Посмотрите, как всё устроено. Может захотите землю купить. Пока она ещё не поднялась в цене.

Винодел хитрил. Земля давно поднялась в цене. И это была заслуга, в том числе Желтокревича, в данный момент стоящего напротив собственной бутылки вина. Той самой, с первого ужина Романа и Кристины. Недопитой и осыпанной проклятиями. Роман не был большим любителем вина, но последние пять лет ему приходилось пить дорогие вина, и чаще эта была Бургундия и Шампань. Таков московский обеденный этикет высоких деловых кругов. Эти люди учат названия вин не в школе сомелье, а в практическом ежедневном столовании, оставляя в ежедневных счетах месячные пенсии менее предприимчивых сограждан. Поэтому, купив самое дорогое местное вино в винном магазине, чья стоимость была сравнима со стоимостью неплохого итальянского вина, при условии, что его покупали на месте, например в центре Сиены, Роман ожидал что оно может быть интересным, может посредственным, может стандартным. Но не от-

вратительным, вмещающим в своём аромате «Этот запах Я как будто в гараже у деда, а он подкрашивает свой Запорожец, а на столе водка, квашеная капуста и банка с бычками. Ну и ещё здесь пахнет свёклой и клубникой забродившей» – охарактеризовала в тот вечер аромат, поднеся нос к краю бокала, не опытная в этом деле, а от того способная на откровенности, Кристина. Пара перешла на виски, а большую половину ещё не разлитой по бокалам жидкости новоиспечённая домоправительница не стала выбрасывать, узнав о стоимости бутылки. И эту недопитую бутылку вина, уже почти месяц стоящую в шкафу, и человека её сделавшего, разделяла лишь дверька шкафа. Открой её кто-нибудь, и соедини эту разорванную связь, всё могло пойти совсем по-другому Но последний пет-нат удался как никогда Желтокревичу. Талант винодела в нём был, вырываясь время от времени в рынок, как дразнящие туристов лавовые потоки Этны. Но гораздо сильнее он был одарён талантом обольщения собеседников. Нужно признать – неплохая эрудированность, и кажущееся безграничное увлечение своим делом очаровали и Еву, и Романа. Они твёрдо пообещали быть в ближайшую субботу у него с визитом. Уже вечером следующего дня Петру было на что закупиться продуктами к выходным. Его банковский счёт увеличился на три миллиона восемьсот шестьдесят три тысячи рублей, двадцать восемь копеек. Тимур Соломонович неспроста имел подобное отчество. Он задерживал оплату вина Желтокревичу по одной простой причине

– оно плохо продавалось. Но теперь, сделка завершена. Что такое тысяча с хвостиком бутылок? В конце концов их распродадут по цене кухонного вина, а убытки на фоне растущих вверх небоскрёбов в пределах третьего кольца не будут стоить даже разговора двух бухгалтеров во время перекура.

Нанятые рабочие принялись наводить чистоту на винодельне, Арсений Дрот – модный питерский шеф, последний год, работающий в Ялте, получил неплохую подработку и принялся составлять меню и искать козлёнка, а с дюжину виноделов дали согласие быть на спонтанной вечеринке, благо июнь был не самым загруженным месяцем на виноградниках и в погребе и позволял не открещиваться усталостью от спонтанных встреч с кол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.